

В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ-РОЧЕСТЕР

ДОЧЬ КОЛДУНА

Вера Крыжановская-Рочестер

Дочь колдуна

«РИПОЛ Классик»

Крыжановская-Рочестер В. И.

Дочь колдуна / В. И. Крыжановская-Рочестер — «РИПОЛ
Классик»,

Книги Веры Крыжановской-Рочестер – то волшебное окно, через которое мы можем заглянуть в невидимый для нас мир Тайны, существующий рядом с нами. Этот завораживающий мистический роман – о роковой любви и ревности, об извечном противостоянии Света и Тьмы, о борьбе божественных и дьявольских сил в человеческих душах. Таинственный готический замок на проклятом острове, древнее проклятие, нависшее над поколениями его владельцев, и две женщины, что сошлись в неравном поединке за сердце любимого мужчины. Одна – простая любящая девушка, а другая – дочь колдуна, наделенная сверхъестественной властью и могущая управлять волей людей. Кто из них одержит верх? Что сильнее – бескорыстная любовь или темная страсть, беззаветная преданность или безумная жажда обладания?

Содержание

Часть первая	6
I	7
II	14
III	24
IV	36
V	46
VI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер

Дочь колдуна

Издательство выражает благодарность коллекционеру Сергееву Вячеславу Александровичу (г. Иваново) за участие в подготовке издания

*«Ты это делал, и Я молчал: ты подумал, что Я такой же, как ты.
Изобличу тебя, и пред глаза твои представлю (грехи твои).
Пс. 49, 21.*

*«Мудрость – пред лицом умного, но в глазах безумного – на конце
мира».
Притч. 17, 34.*

Часть первая

«La religion dit: croyez et vous comprendrez. La science vient vous dire: comprenez et vous croirez».

J. de Maistre.¹

¹ Религия гласит: уверуйте и вы поймете. Наука говорит вам: поймите и вы уверуете. `Ж. де Местр.

I

– Итак, значит, ты не хочешь положительно здесь оставаться, Иван Андреевич? Признаюсь, твое решение меня огорчает. Я надеялся, что ты пробудешь у нас хоть с месяц.

– Нет, Филипп Николаевич. Я и приехал-то, главным образом, чтобы убедить вас всех уехать из этого злополучного места, внушающего мне страх и отвращение.

Иван Андреевич был старый, заслуженный моряк. Его красивое и энергичное лицо обрамляла белоснежная седая борода; в больших серых, грустных глазах и складках рта таилось выражение горечи, указывавшей, что жизнь не избавила его от борьбы и разочарований.

– Ах, крестный, останься, прошу тебя!.. Погляди, как здесь хорошо, какой чудный вид, какой чистый, живительный воздух, – вмешалась сидевшая невдалеке молодая девушка.

Отодвинув тарелку с земляникой, она подбежала к нему и, по-приятельски повернув его, указала на расстилавшийся перед ними вид, в самом деле живописный.

Дом стоял на возвышенности; у ее подножия дремало озеро и на нем зеленел густо заросший остров, а сквозь кудрявую листву деревьев выглядывала остроконечная крыша какого-то здания. Темный лес опоясывал вдали горизонт и лишь с одной стороны виднелось вдали селение и голубой купол сельской церкви.

Разговор происходил на просторной террасе, уставленной цветами и растениями. Лестница в десять ступеней вела в сад, а дальше шел спуск к озеру. За богато уставленным хрусталем и серебром столом, украшенным большой вазой с цветами, сидели: хозяин дома, его жена, дочь Надя, ее крестный и старый, почтенный священник. В саду, у подножия лестницы, играли в серсо мальчик лет тринадцати и семилетняя девочка.

Хозяин дома, Филипп Николаевич Замятин, состоял директором большого банка в Киеве. Хотя ему и перевалило за пятьдесят, но это был человек полный сил. Жена его, Зоя Иосифовна, дочь крупного сахарозаводчика, принесла ему в приданое большое состояние, и богатый гостеприимный дом любезного Филиппа Николаевича, весьма чтимого за высокую честность и хлебосольство, всегда охотно посещался лучшим обществом. Имение, в котором в данное время проживали Замятины, Горки, досталось Филиппу Николаевичу в наследство. Барский дом, необитаемый перед тем много лет, был заново отремонтирован и всего недели две, как прибыла семья, чтобы лично посмотреть за приведением в порядок заброшенного и запущенного хозяйства.

– Ну, крестный, не права я? Разве один этот вид не заслуживает того, чтобы ты остался у нас, а не поддавался суеверным воззрениям, странным, по правде говоря, в наш просвещенный век. В самом деле, почему одно место злополучнее другого? – лукаво глядя на адмирала, говорила Надя.

– Надя права. Ты должен быть выше всех этих бабьих сказок, Иван Андреевич, – подержал хозяин дочь.

– Я понимаю, тебя огорчает трагическая кончина Маруси, – продолжал он. – Но, вместо какого-то *оккультного* влияния, не естественнее ли предположить, что на ее рассудок повлияли два столь сильных душевных потрясения, как отчаяние после потери жениха и изумление при виде его живым. Кроме того, и внезапная смерть этого болвана, Красинского, тоже могла вредно отозваться на ее молодой впечатлительной натуре.

– Если бы ты видел *то*, что я видел, и знал бы все странные обстоятельства, сопровождавшие кончину Маруси, ты изменил бы свой взгляд. Что место злополучно, вообще, и что дом – там на островке, – видел много кое-чего, о чем современные ученые даже не подозревают, это тебе подтвердит отец Тимон.

– Ах, батюшка, пожалуйста, расскажите, что вам известно про тот дом. Кто его строил и что там происходило? Я жажду его осмотреть и, как только лодка будет починена, непременно

сезжу с Михаилом Дмитриевичем в этот *таинственный* дом, который дразнит любопытство своими островерхими башенками, словно «замок Спящей красавицы».

Надя подседа к священнику и стала его упрасивать поделиться сведениями о беспокойном доме.

– Что ж, я охотно расскажу все, что мне известно. Однако, рассказ мой, к сожалению, подтвердит лишь справедливость того отвращения, которое питает к здешним местам его превосходительство, – указывая на адмирала, со вздохом сожаления ответил старик.

Он задумался на мгновение, всматриваясь в островок, красовавшийся над гладью озера, подобно букету зелени.

– Самого строителя того замка на острове я не знавал; а вот предместник мой, отец Порфирий, сказывал, что владелец Горок приступил к его постройке по возвращении из долгого путешествия по чужим краям. Привез он в ту пору с собой итальянца, как говорили, архитектора; а рабочие стояли на том, что, кроме того, он-де колдун, потому за ним всегда ходил по пятам черный пес, с человеческими как бы глазами, которого все боялись. Болтали также, что у итальянца будто глаз дурной, и что когда этот гадкий черный, приземистый человечиска проходил мимо и смотрел на что-нибудь своими хитрыми, злыми глазами, то непременно случалась беда: ребятишки хворали, скотина падала, а не то пожар случался. Так что, под конец, трудновато становилось находить работников; люди бежали прочь, как только издали, бывало, завидят итальянца. Особенно худая слава пошла с тех пор, как помещик не освятил дом после окончания постройки. Потом разнесся слух, что итальянец помер и схоронен на острове. А затем пошли толки, будто на острове что-то неладное делается: огни-де промеж деревьев вспыхивают по ночам, а то собака отчаянно воет; одним словом, на деревне была паника. Да и сам барин странноват стал: со дня на день худел и от людей сторонился; а полгода спустя его нашли мертвым в постели.

Поселился тут его сын с женой и сыном, мальчуганом лет тринадцати-четырнадцати. Перед тем незадолго я был сюда назначен священствовать и многократно видывал Павла Павловича Изотова. Сначала он веселый такой был и общительный; по окрестным помещикам ездил, у себя принимал и охотился; а потом вдруг домоседом вовсе сделался. Стали поговаривать, что он дни и ночи просиживает за чтением отцовских книг и бумаг; а как его супруга скоропостижно скончалась от разрыва сердца, то он и вовсе на остров перебрался. Через несколько месяцев, однако, он уехал в чужие края и сына Николая с собой увез, так мне и не довелось с ним больше свидеться.

Почти пятнадцать лет минуло, и никто из владельцев не показывался в Горках. Дом стоял заколоченным и за ним присматривали старый дворецкий Фома с женой. А на острове и подавно ничьей ноги не бывало. Павел Павлович при отъезде настрого запретил до чего-либо касаться в замке...

Шел студеный декабрь, и выдалась как-то бурная ночь; ветер свистел и выл в поле, колотя снегом в окна; стоял трескучий мороз градусов до двадцати с лишком. Жил я еще тогда в старом церковном доме, теперь уже не существующем, и только что схоронил бедную жену. Горечь утраты тяжело легла мне на душу и я, чтобы разогнать тоску, работал почти до глубокой ночи. Заработался я раз так за полночь, как вдруг слышу – колокольцы да бубенцы звенят и будто у дома остановились.

– Господи, Боже мой!.. Должно, за мной приехали к больному, – подумал я. Потом застучали во входную дверь и слышу я в сенях разговор работника с работницей, осерчавших, что их ночью подняли. Вышел я, приказал им открыть дверь и вижу перед собой засыпанного снегом ямщика, которого какой-то барин нанял в Горки.

– А уж что с ним приключилось по дороге и ума не приложу, – рассказывал ямщик. – Жив он или помер, – не знаю. Да непогодь такая стоит, что свету Божьего не видать. Вот я сюда и завернул к тебе, батюшка, помощи просить.

Осветил я фонарем внутри кибитки и вижу: откинувшись на подушках лежит с закрытыми глазами смертельно бледный молодой человек, который если еще и не умер, то, несомненно, тяжело болен. Барин, очевидно, богатый, судя по дорогой шубе и роскошным сундучку да двум дорожным мешкам. Во всяком случае, было явно невозможно тащить его две версты, да еще в такой буран. Я приказал перенести его в комнату покойной жены, в которой не жил по причине грустных для меня воспоминаний. Незнакомца уложили, и я оказал ему помощь. Он открыл глаза, но был настолько слаб, что еле мог говорить. По его указанию я вынул из дорожного мешка пузырек с каплями, которые он принял и заснул. Лицо его, несмотря на изнуренный и болезненный вид показалось мне знакомым; однако сразу я никак не мог припомнить, где и когда его видел. На другой день больной достаточно оправился, чтобы объясниться, и я, к великому удивлению своему, узнал, что мой гость – Николай Павлович Изотов, владелец Горок, а что отец его скончался года за четыре перед тем.

Он собрался было немедленно ехать в имение, но я разубедил его поселиться сразу в доме, необитаемом столько лет, и предложил, что съезжу раньше сам, дабы распорядиться истопить печи, прибрать две-три комнаты, а в помощь старому дворецкому решил определить на кухню Марфу, сестру моей работницы, ввиду того, что жена Фомы хворала.

Николай Павлович поблагодарил, согласился с моими доводами, и я уехал. Старый дворецкий был в восторге увидеть молодого барина, которого носил когда-то на руках, и бросился хлопотать. Кроме Марфы, мы взяли еще работника с работницей и стали приводить дом в порядок.

Печи были вытоплены, пыль всюду стерта, с мебели и картин сняты были чехлы и постланы ковры; словом, через несколько часов помещение в три комнаты оказалось готовым. Выбрали мы для Николая Павловича комнаты покойной его матушки, которые выходили окнами в сад. Фома рассказывал, что там все осталось, как было при покойной барыне; после похорон Павел Павлович лично их замкнул, и с тех пор ничьей ноги там не бывало; потому сам он в тот же вечер перебрался уже на остров. Когда я вернулся с вестью, что все готово, Николай Павлович горячо меня поблагодарил и просил проводить его, потому что хотел ехать немедленно.

Вид освещенного дома глубоко взволновал и даже обрадовал как будто больного; но он был так слаб, что мы с Фомой вели его под руки.

– А, это маминаты комнаты вы мне приготовили! – взволнованным голосом сказал он.

Но едва вошли мы в спальню, как Николай Павлович остановился, точно вкопанный, и уставился на висевший в углу образ Божией Матери, перед которым Марфа зажгла лампаду. Мы подумали, что он перекреститься хочет; а тут вдруг лицо его потемнело, рот перекосило и в глазах вспыхнул безумный ужас.

– Вон!.. Вон! – не своим голосом закричал он.

И с пеной у рта Николай Павлович повалился замертво нам на руки. В этот миг массивный киот сорвался со стены и упал, а лампада с треском потухла. Нас даже дрожь прохватила, и мы оторопели от ужаса. Николай Павлович был уложен в постель, а икона вынесена в дальнюю комнату.

– Господи милостивый! Знать, баринова-то душа проклята... Я видел, будто бы черная тень метнулась к образу, – сказал Фома, вытирая стекла у киота, оставшиеся случайно целыми.

Когда я вернулся к больному, он уже пришел в себя. Привстав на подушках, он дико взглянул на пустой угол, где теперь висела только паутина, и, поманив меня к себе, еле слышно прошептал:

– Велите их немедленно вынести... все... на гостиную половину... А еще лучше возьмите в церковь... Я вам их дарю...

С трудом подавив пробудившееся во мне от этих слов отвращение, я не удержался, чтобы не заметить:

– Тяжкие, должно быть, грехи лежат у вас на совести, коли даже один вид нашей Небесной Заступницы внушает вам ужас.

Никогда не забуду того выражения муки и отчаяния, которое отразилось у него на лице.

– Не могу... Я задыхаюсь, когда Ее вижу, – пробормотал он.

Мне стало глубоко жаль этого одинокого, больного и несчастного, видимо, человека. Я обещал исполнить его желание и увезти иконы. На прощанье он схватил мою руку, судорожно сжал ее и отрывисто пробормотал:

– Если я вас позову, отец Тимон, приедете ли вы к моему смертному одру, чтобы поддержать меня в тяжелую минуту и, может быть, даже спасти?

Несмотря на внутреннее содрогание, я обещал исполнить его просьбу и затем вышел, чтобы собрать и увезти образа. В прихожей собралась вся прислуга, ожидавшая моего выхода и объявившая, что не желает оставаться дольше в таком доме и служить «проклятому». Ну я их пристыдил, растолковал, что бесчеловечно бросать больного человека, может статься, просто умалишенного, и обещал крупное вознаграждение. Под конец они обещали остаться. Тогда я вернулся к Николаю Павловичу и осторожно объяснил ему настроение прислуги. Его это страшно поразило, но он, не возражая, вручил мне тотчас же значительную сумму, которую я раздал людям, а затем уехал домой.

– Недели три ничего не было слышно про Николая Павловича, – продолжал отец Тимон. – Как-то после обеда возвращаюсь я с требы из окрестности и вижу: у ворот сани стоят, а кучер доложил, что из Горок приехал и письмо подал. Письмо было от Николая Павловича, который напоминал мне мое обещание и умолял приехать к нему, так как чувствовал приближение смерти и желал переговорить. Я долго не мог решиться и, сознаюсь, согласился ехать в Горки скрепя сердце, в надежде, что в последнюю минуту, может быть, несчастный воротится к Богу. Но одному мне ехать все-таки не хотелось, и я позвал с собой отца диакона. Итак, мы отправились; но по пути я с неудовольствием и даже тревогой заметил, что везли нас не в усадьбу, а по льду, прямо на остров. В прихожей нас встретили растерянные Фома с Марфой, которые заявили с ужасом, что две недели тому назад барин переехал в заклятый дом, где «бесчинствует нечистая сила». По ночам странный идет шум, двери с треском сами собой открываются и закрываются; без всякой причины вдруг тухнут огни, а рядом с бариновой комнатой слышится звон посуды, хохот и дикое пение. Фома же утверждал, кроме того, что какой-то черный человек с рогами пытался даже задушить его, когда он раз, во время поднявшейся кутерьмы, начал читать «Да воскреснет Бог».

– Каждый день он нам деньги дает и все просит не покидать его, а нам невтерпех. Ух, больно жутко! Дай-то Бог, чтобы он хоть помер поскорей, – сказал мне испуганный и бледный Фома.

– Неужели больному так плохо? – спросил я.

– Встал он и ходит, а только уж смерть на лице написана, – ответили люди.

Попросив отца диакона обождать, я один вошел в спальню, где Николай Павлович сидел, одетый, в кресле за столом посреди комнаты. Его мертвенно-бледное, безжизненное лицо и ввалившиеся глаза поселили во мне твердое убеждение, что передо мной умирающий. По всем вероятностям, темнота страшила его, и потому на столе горели два канделябра по пяти свечей; из большой вазы со льдом торчала бутылка шампанского и под рукой стоял полуотпитый бокал с вином.

– Что же это такое? Вы обращаетесь за помощью к церкви, я прихожу со Святыми Дарами, чтобы спасти вас в смертный час, а вы тут шампанское распиваете? – неодобрительно сказал я.

– Это, батюшка, чтобы придать себе сил немножко и мужества; чтобы заглушить гнетущую меня тоску, – тихим голосом ответил он, пугливо оглядываясь. Потом он неожиданно схватил мои руки и крепко сжал их. – Не оставляйте меня, отец Тимон, – умоляюще сказал

он. – Я чувствую, что конец близок и меня некому защитить от грозного *властилина*, которого я сам избрал себе... – и он грустно поник головой. – Но вы служитель Того, чье Имя я не смею даже произнести. Ведь под ваш же кров неудержимо привела меня судьба, когда я только что сюда прибыл... Может быть, вы будете мне якорем спасения, моим единственным защитником и вырвете мою душу...

Николай Павлович волновался и замолчал, с трудом дыша, но потом продолжал:

– Только хватит ли у вас, батюшка, силы и мужества выдержать страшную борьбу *с адом*? Ужасны преступления мои, и силы зла не захотят выпустить меня...

Мне стало жутко... Но мог ли я, служитель Бога, отказать в помощи несчастному, кающемуся грешнику? Я ответил поэтому, что сделаю все от меня зависящее, употреблю все силы, дарованные мне церковью и моей непоколебимой верой, чтобы спасти его от гибели, и приступил к исповеди.

Николай Павлович преклонил колени и тихо, но ясно стал каяться.

Боже упаси каждого выслушивать подобное сплетение всяких мерзостей, кощунств и богохульств. Меня пробирала холодная дрожь...

Тут я заметил, однако, что всякий раз, как я осенял себя, невольно почти, крестным знамением, по стенам пробегал словно треск, порывы ледяного, смрадного воздуха проносились по комнате, а Николай Павлович вздрагивал, будто под ударом бича. Страшные признания подходили уже к концу, и я взял крест, как пробила полночь.

Но не успел я прочесть отпущение, как раздался пронзительный свист; черный шар вылетел из камина и завертелся между мной и Николаем Павловичем, треща и меча снопы искр. Раздался громкий взрыв и шар лопнул, а из него спиралью повалил черный дым. Я, немой от ужаса, увидел, что из клубов дыма вынырнул черный человек с парой рогов на всклокоченной голове и с такими дьявольски злыми глазами, что о сию пору не могу вспоминать про них без дрожи. Я оцепенел, а вошедший диакон словно обезумел; у него волосы встали дыбом и он невольно поднял в руках Евангелие, ограждая им себя, как щитом. Дьявольское отродье подняло с угрозой свою мохнатую с длинными, крючковатыми пальцами руку, и я отчетливо услышал:

– Не охраняй тебя *то*, что у тебя – на груди, твой последний час пробил бы. – А ты, изменник, презренный отступник, – обратился он к Николаю Павловичу, – ты заплатишься за свое вероломство!

Он бросился на упавшего на пол Изотова, и мне показалось, что вокруг закопошились разные безобразные гады, которые ползали, летали и цеплялись за него. Я еще видел, как диакон упал без чувств, а затем, уже в паническом ужасе, кинулся вон из комнаты и, добежав до прихожей, где Фома с Марфой забились от страха в угол, сам лишился сознания...

Священник умолк, охваченный тяжелыми воспоминаниями, и забыл как будто про окружающее. Под впечатлением описанного слушатели тоже молчали; но Надя, с любопытством и трепетом следившая за рассказом, не выдержала долго томительного молчания и, спустя некоторое время, тронула священника за руку.

– Ну же, отец Тимон. Что же потом было?

– Потом?... – и он провел рукой по лицу. – Что произошло потом – тоже в достаточной мере загадочно и мрачно. Так вот, когда я пришел в себя, уже брезжило утро. Мое забытие длилось несколько часов, и я чувствовал себя совершенно разбитым. Узнав, однако, что диакон не показывался, я собрался с духом и, горячо помолившись, пошел в страшную комнату. Диакон открыл глаза в ту минуту, как я входил; но волосы его поседели и мне пришлось вывести беднягу под руки. Николай Павлович скончался, и скорченное его тело валялось на полу; вздущееся и потемневшее лицо было ужасно, а стеклянные, широко открытые глаза выходили из орбит, точно он был задушен.

По возвращении домой нас ожидало несчастье. Ночью вспыхнул пожар, и церковные дома, мой и диаконов, сгорели дотла. Вся округа пришла в волнение, и когда зашел вопрос о погребении Изотова на нашем кладбище, мужики этому воспротивились, не желая иметь «проклятого» у себя на погосте; так что Николая Павловича схоронили на островке, где уже ни одна живая душа не хотела более оставаться... А некоторое время спустя прибыл новый владелец, Петр Петрович Хонин.

Это был барин добрый: он и церковные дома для причта на свой счет отстроил, и денег дал на поправку; но он являлся уже человеком совсем иного склада ума. Будучи закоренелым скептиком, он не только не дал веры всему, что здесь происходило, но даже говорить о том заказал. Съездив однажды на островок и увидев, что на могиле Николая Павловича ничего нет кроме холмика земли без креста, он воздвиг монумент: мраморную плиту с большим крестом. Но вот, накануне освящения памятника, разразилась страшная гроза; не запомню даже, видел ли я когда-нибудь такие яркие молнии и слышал ли подобные громовые раскаты. Гроза эта тогда много бед наделала. На острове буря опрокинула и разбила крест мраморный; в плиту же ударила, должно быть, молния, потому что металлические буквы надписи сплавилась, а мрамор так страшно изуродовало, что линии образовали будто два скрещенных треугольника. Впоследствии я узнал, что подобный знак – кабалистический символ.

На окрестных жителей этот случай произвел глубокое впечатление. А что подумал Петр Петрович – не знаю, но только он монумента уже не возобновлял и велел лишь убрать обломки креста...

Настало снова молчание. Рассказ священника всех, видимо, глубоко поразил. Адмирал задумчиво и хмуро глядел на озеро, с которого поднимался белесоватый туман, густевший и волновавшийся на ветру.

– Пойдемте в дом, друзья, становится сыро, – вдруг сказал он. – Мой ревматизм этого не выносит, а здесь я особенно не люблю оставаться снаружи, когда поднимается туман. Мне все кажется, что из-за сероватой дымки вынырнет белокурая головка несчастной Маруси, и эта мысль оживляет во мне далекие, но тяжелые воспоминания. А сегодня рассказ отца Тимона еще более усугубил это впечатление.

Никто ему не возражал, и, кликнув детей, все вернулись в гостиную. Священник скоро простился и ушел, а семья осталась одна, но оживленный разговор не вязался.

– Иван Андреевич, – сказала вдруг Замятина, – не расскажешь ли и ты нам истинную историю происшествия с бедной Марусей. Муж говорит, что жених ее утонул, и затем молодому врачу удалось вернуть его к жизни, но зато сам доктор умер внезапно от разрыва сердца. Это двойное несчастье вызвало такое волнение и произвело столь подавляющее впечатление, что бедная женщина лишилась рассудка и утопилась в припадке безумия. Но ты знаешь, несомненно, все подробности этой грустной истории. Мне очень хотелось бы знать правду, потому что в моей голове как-то не укладывается, чтобы такой случай, как бы зловещ он ни был, имел «сверхъестественную» подкладку. Между тем и ты, и отец Тимон, вы как будто это допускаете.

– Слово «сверхъестественное» довольно растяжимо, милая кузина. Лет сто тому назад и электричество в человеческом обиходе показалось бы *сверхъестественным*. Но я держусь того убеждения, что существует еще много нам неизвестных законов природы, которые кое-кто изучил и умеет применять; а эти неведомые пока силы могут быть благотельными или зловредными, смотря как ими пользоваться, вот и все. Но я охотно расскажу, что знаю об истории Маруси, тем более, что я был очевидцем главного происшествия с женихом. Едучи сюда, я захватил с собой даже мой дневник того времени и перечту его, а завтра опишу вам все, что случилось.

– Ах, как я тебе буду благодарна, милый крестный! – вскричала Надя, бросаясь обнимать его. – Меня очень заинтересовала эта Маруся с тех пор, как я видела ее портрет. Она должна была быть обворожительна с ее пепельными волнами волос и чудными голубыми глазами.

– Да, это была обаятельная девушка, и правосудие небесное не оставит, конечно, безнаказанными тех, которые преступно разбили ее жизнь, – взволнованно ответил адмирал. – Значит, завтра я вам и расскажу, – прибавил он. – А пока оставим это грустное происшествие.

Они заговорили о другом; но, тем не менее, выслушанный перед тем рассказ священника произвел на всех сильное впечатление, и семья разошлась позже обыкновенного.

II

На следующий день выпало ненастье; дождь лил, как из ведра, и нельзя было показаться из дому. После обеда вся семья сидела в маленькой гостиной. Надя разливала кофе и, подавая чашку крестному, влила в нее рюмочку коньяку.

– Для храбрости, – лукаво пояснила она. Адмирал с улыбкой потрепал ее по щечке.

– А я так думаю, что тебе храбрости потребуется больше моего. Будь готова услышать вещи не только необыкновенные, но даже страшные.

– Тем лучше, тем лучше, крестный. Я обожаю все «страшное» и «таинственное», что бросает в дрожь, – ответила Надя.

Она сбегала за вышиванием и уселась затем подле адмирала, который задумчиво перелистывал принесенную с собой толстую тетрадь. Наконец адмирал захлопнул рукопись и, после некоторого молчания, начал:

– Тому, что я буду вам описывать, друзья мои, минуло четверть века. В ту пору я был юным офицером. Должен пояснить, что со мной вместе был произведен мой лучший друг Вячеслав Тураев, которого я любил, как брата, да и действительно считал таковым. Мы воспитывались вместе; отец его был моим опекуном, а его мать, после одновременной почти смерти моих родителей, приняла меня под свое покровительство и окружила такой любовью, что я никогда не чувствовал себя сиротой. Счастливые и гордые нашим офицерством, мы совместно обсуждали план заграничного путешествия, когда получено было письмо от Петра Петровича, пригласившего нас провести у него в Горках наш отпуск. Вместе с тем, он писал, что взял из института свою единственную дочь, Марусю, и потому надеялся, что молодежь у него не соскучится. Петр Петрович был старым другом нашей семьи, и мы еще в детстве неоднократно бывали у него, а потому его приглашение нас очень обрадовало. В гостеприимном доме Хонина всегда было весело, а потому все прочие планы были оставлены и через несколько дней мы выехали в Горки. Петр Петрович был вдов и всю свою любовь отдал Марусе, которая вполне заслуживала, впрочем, страстное обожание отца не только своей красотой, но и своим превосходным, мягким характером. Не прошло и недели, как мы оба были без ума от обаятельной девушки и ухаживали за ней напропалую. Но скоро, к великому моему сожалению, я заметил, что пальма первенства отдавалась моему другу. Маруся была чересчур откровенна и неиспорченна, чтобы хитрить и скрывать свое предпочтение. Недели через три Тураев сделал предложение, а Маруся объявила отцу, что никогда не выйдет ни за кого другого, как за Вячеслава, и Петр Петрович благодушно принял предложение. Да и в самом деле, что можно было сказать против такого жениха? Вячеслав был богат, независим, хорош собой и чудного нрава. Впрочем, Петр Петрович поставил условием, чтобы Вячеслав бросил морскую службу.

– Я не желаю, чтобы у моей дочери всегда были глаза заплаканы, или нервные припадки при каждой буре, пока вы там будете бродить вокруг света, – объявил он.

И Маруся поддержала отца.

– Я не могу верить мое счастье лукавым волнам океана, – с любящим взглядом сказала она, пожимая руку Вячеслава.

Ну, а мой приятель был слишком влюблен, чтобы противиться, и признался со смехом, что готов быть хоть сапожником, лишь бы жениться на Марусе. Для меня же настало тяжелое время. Это было первое мучительное испытание в жизни. Сердце и самолюбие были одинаково уязвлены, и только гордость давала силу скрывать свое поражение.

А жизнь в Горках текла весело. Ежедневно совершались поездки в окрестности; между прочим, мы посетили дом на острове, прозванный в народе «Чертовым гнездом».

– И что же, какое он произвел на вас всех впечатление? – перебила Надя, со страхом и любопытством слушавшая его.

– Дом каменный, в готическом стиле, с тремя башенками, островерхие крыши которого видны отсюда из зелени, – ответил адмирал. – Все здание серого, почти черного цвета, с узкими окнами. Массивный подъезд производит сразу мрачное впечатление, а окружающие деревья дают густую тень и еще более усиливают жуткое чувство, по крайней мере летом, – прибавил Иван Андреевич. – Но я возвращаюсь к моему рассказу.

– Обручение Маруси с Вячеславом отпраздновано было большим *bal champêtre*.² К этому времени было получено письмо от Кати Тутенберг, которую прежде опекал Петр Петрович, и та просила позволения провести в Горках несколько недель с женихом, молодым врачом, Казимиром Красинским.

– Если не ошибаюсь, насчет этого Красинского бродили всевозможные сказки, да и сам он похвалялся, что приходится сродни черту. Старуха Афросинья, бывшая экономка Петра Петровича, рассказывает по этому поводу совершенно невероятные истории...

– А я так думаю, что она просто чуточку рехнулась от старости, – с улыбкой вмешалась Зоя Иосифовна.

– Что он хвастался будто бы родством своим с дьяволом – преувеличено, разумеется; но что в его семье существовало подобное предание, – совершенно справедливо. Вот, что он сам рассказывал по этому поводу. В те времена, когда еще жив был знаменитый кудесник Твардовский, одна из дочерей знатного и богатого пана влюбилась в мелкопоместного шляхтича Красинского, служившего у ее отца. Отец девушки отказал, разумеется, наотрез и с позором изгнал претендента, а с дочерью обошелся жестоко, грозя упрятать ее в монастырь; но барышня была настойчивая и предприимчивая. Воспользовавшись пребыванием семьи в Кракове, она решила побывать у пресловутого пана Твардовского и просить его содействия, чтобы сломить сопротивление отца против брака ее с любимым человеком. А добиться свидания со страшным колдуном, перед которым трепетала вся страна, было нелегким делом. Но панна Урсула не смутилась и достигла цели: Твардовский ее принял. Что случилось потом – неизвестно. Влюбился ли колдун в прекрасную польку, или он пожертвовал ее своему *повелителю*-сатане, которого принимал у себя и с которым, согласно легенде, был в постоянных сношениях, так или иначе, Урсула пропадала в течение трех дней. Но после этого она походила на тень прежней разбитной девочки, а ее черные волосы поседели. Переговорив с дочерью, вельможный пан тоже вдруг осунулся, всецело отдался религии и разрешил дочери выход замуж за любимого человека. Свадьба вскоре была отпразднована, и новобрачные поселились в поместье, данном в приданое Урсуле. Там она произвела на свет мальчика, у которого были рожки и даже хвостик, пальца в два. Мучимая стыдом, Урсула скрытно воспитывала своего ублюдка, а затем поместила его в монастырь, настоятелем которого был их родственник. Но этот дьяволенок унаследовал, должно быть, предприимчивость матери: он отличился на войне, женился под конец на богатой и стал родоначальником тех Красинских, последним представителем которых и был жених Кати Тутенберг.

– Боже мой! Вот так вкус был у этой девицы, если она решилась выйти за человека с рогами и хвостом, за демона! – содрогаясь, вскрикнула Надя.

– Предание гласит, что он был красивым малым, а густые волосы вполне скрывали рога, – улыбаясь, ответил адмирал. – Кроме того, его мать оставила ему в наследство перстень, который подарил ей Твардовский, и это магическое кольцо давало власть над адскими духами.

– Как жаль, что этого кольца больше нет, – пожалела Надя.

– Да нет же, оно существует и сохранялось в семье из поколения в поколение; оно было и у Казимира Красинского. Я видел это волшебное кольцо, знаю силу его и могу только сказать, что оно излечило меня от скептицизма. Я убедился в существовании «сверхъестественного»

² Летний полевой бал.

и сил зла; с той поры я уже не зову бессмысленным термином народного «предрассудка» или «суеверия» все то, что мне непонятно.

– Но, слушайте дальше. Добрейший и гостеприимный Петр Петрович тотчас же ответил своей бывшей опекаемой, что она с женихом будут желанными гостями в Горках, Катю Тутенберг я знал с детства; она не была хороша собой, но свежа и плотно сложена. После совершеннолетия она отправилась в Париж учиться, а что она делала с тех пор – никому неизвестно. По-видимому, она просто решила, что наступила пора пристроиться, потому что ей уже стукнуло двадцать восемь. В назначенный день мы отправились встречать жениха с невестой, и я нашел, что Катя сильно изменилась к худшему: побледнела, похудела и постарела; ну, а ее суженый с первого же взгляда мне сильно не понравился.

Доктор Красинский был человек лет тридцати, среднего роста и худощавый; лицо его с правильными чертами было недурно, но зато противными мне показались глаза и рот. При каждом слове или улыбке его тонкие и красные, как кровь, губы скалили ряд белых длинных и острых, как у хищного зверя, зубов.

Что-то донельзя странное было и в глазах. Круглые и на выкате, они оттенены были густыми и длинными ресницами; что же касается их цвета, то я никогда не мог его определить. Иногда они казались черными, иногда карими, а не то серо-голубыми, цвета стали; но один раз я видел их положительно зелеными и фосфоресцировавшими, как у кошки. Бегавший лукавый взгляд не останавливался долго на ком-нибудь и бывал чаще опущен или устремлен в пространство. Но в обществе это был приятный человек, хорошо воспитанный и занимательный собеседник; ну, а мне, как я сказал, он внушал глубокое отвращение. Маруся тоже его недолюбливала; а раз даже призналась мне, что от Красинского веет ужасом, и она не понимает, как может Катя выходить за такого противного человека.

С первого же дня Красинский заинтересовался островком и, побывав там, просил Петра Петровича разрешить ему поселиться в замке. Хонин согласился, но предупредил, разумеется смеясь, что у острова недобрая слава и народный говор зовет замок «Чертовым гнездом».

Красинский ответил в тон его шутки, что такого рода слухи еще более возбуждают в нем желание приютиться в «Чертовом гнезде», а соседство повелителя ада вовсе для него не страшно ввиду того, что они несколько «сродни». Кстати, он рассказал поверье о Твардовском, его волшебном кольце, и показал при этом и самое кольцо. Очень массивное, оно изображало кусающую свой хвост змею, один глаз которой был из изумруда, а другой из рубина; в голове же был вставлен какой-то странный черный камень, блестевший как бриллиант.

Время текло у нас без особых приключений; другими словами, внешним образом все шло обычным порядком, а втихомолку бывали всякого рода странные случаи, которым не придавали в то время, к сожалению, надлежащего значения. Так, например, с приездом Красинского меня охватило пренеприятное состояние. Прежде, ни разу в жизни не бывало, чтобы, входя в темную комнату, мною овладевал ужас; а теперь мне чудилось, будто кто-то за мной следует, дует на меня, или по лицу проводит точно паутиной. Но тогда я был скептиком, чуть не атеистом, и с высоты моей мнимой научной и «просвещенной» точки зрения «интеллигента» глубоко презирал эти «глупые предрассудки» старого времени. Все, что случалось со мной необыкновенного, я приписывал тяжелому душевному настроению, или возбуждению нервов, утешая себя тем, что когда состоится свадьба и я уеду на судно, то успокоюсь, а ненормальные ощущения сами собой пройдут. Вполне естественное, например, соображение, что подобного же рода явления волновали и прислугу, не производило на меня в то время никакого впечатления, а когда старый, служивший мне лакей шепнул однажды тайком, что «домовой взбеленился», то, я помню, хохотал до слез. На мой вопрос, в чем именно «домовой» выражал свое неудовольствие, старик рассказал, но уже неохотно, что каждую ночь все лошади бывают в пене, коровы мычат и бодают друг друга и, наконец, уже которую ночь цепная собака воет и, оцетинившись, прячется в будку. Самым страшным оказывалось показание пасту ха, бывшего

в ночном со своим стадом у озера, и видевшего в лунную ночь, что по воде, как по земле, бежал маленький черный человек, который и скрылся на острове.

– И вся эта чертовщина пошла с той поры, как господин Красинский водворился в «проклятом» доме на острове, – с грустным видом говорил старый Терентий. – Не к добру все это...

Этот рассказ меня еще более развеселил. Но Петру Петровичу люди ничего не могли сказать, зная, что тот ни во что не верит и терпеть не мог сплетен прислуги. Неожиданный случай заставил меня позабыть все это.

Однажды я поймал взгляд Красинского, устремленный на Марусю, и глаза его горели такой пылкой, но пошлой страстью, что у меня руки чесались наградить его оплеухой. Но, раз ревность моя была возбуждена, я стал незаметно наблюдать за Красинским и убедился, что он безумно влюблен в невесту моего друга, хотя тщательно скрывал это. Как-то, недели за две до свадьбы, я и Маруся случайно остались вдвоем на террасе. Она казалась взволнованной и чем-то озабоченной; вдруг она заметила вдали лодку, перевозившую Красинского с острова, и тотчас встала.

– Пойдемте в сад, Иван Андреевич. Я не хочу встречаться с этим господином. Не могу высказать, как он мне противен; в его глазах таится что-то зловещее и лукавое, а иногда он удивительно странно на меня смотрит.

Я нагнулся к ней и шутливо сказал:

– Я думаю, что не он один одинаково *странно* на вас глядит; это уже скорее ваша вина. Зачем вы так прекрасны!?

Маруся вспыхнула и с недовольным видом покачала головой.

– Не болтайте пустяков, Иван Андреевич! Скажите лучше, какого вы мнения о Красинском? На меня он производит впечатление зловредного человека и, – не будь это смешным в наш век – я была бы готова верить, что он действительно потомок Люцифера. Вообразите, что с его приезда меня гнетет беспокойство и положительно преследует мысль, что он хочет зла Вячеславу. А по ночам меня мучают кошмары. То я вижу, что жених мой умер, или между нами произошел разрыв; а самое ужасное – будто я выхожу замуж за покойника и тот своими ледяными, костлявыми руками тащит меня к озеру.

Разумеется, я старался убедить Марусю, что ее сновидения – просто расстройство нервов; но она отрицательно качала своей хорошенькой головкой.

– Нет, нет, вы меня не убедите. Происходит что-то очень нехорошее. Дважды уже меня что-то будило по ночам и, просыпаясь, я видела склоненной над собою точно черную тень; когда же я крестилась и начинала молиться, эта тень уплывала к окну и исчезала. Дай Бог, чтобы чего-нибудь не случилось худого.

Этот разговор привел меня к заключению, что странные рассказы прислуги были не так уже глупы; в самом деле, творилось что-то непонятное, действовавшее даже на интеллигентных людей, как я и Маруся.

Через несколько дней начали съезжаться приглашенные на свадьбу: несколько товарищей наших с Вячеславом и другие гости из соседнего городка.

По приезде гостей, утром, Вячеслав собрался с двумя знакомыми инженерами охотиться и осматривать остров, который и в самом деле был дик и своеобразно прекрасен. Искали Красинского, чтобы взять его с собой, и не нашли. У меня в тот день болела голова, а кроме того нужно было ответить на спешные письма, и потому я отказался ехать с ними. Из моего окна я видел, как они отчаливали. Вячеслав стоял в лодке и, улыбаясь, махал соломенной шляпой стоявшей на балконе Марусе. Послав прощальный привет невесте, он сел на руль, а его спутники взялись за весла.

Сев за писанье писем, я хотел было закурить и вдруг вспомнил, что забыл свой портсигар на балконе...

Рассказ адмирала прервал Филипп Николаевич.

– Надя, отвори окно, – здесь ужасно душно. Прости, дорогой друг, что прервал тебя на интересном месте, но я положительно задыхаюсь.

Надя бросилась исполнять желание отца, и когда свежий, влажный воздух ворвался в комнату, все облегченно вздохнули. Адмирал же воспользовался временным перерывом и перелистывал свой дневник, чтобы возобновить в памяти прошлое. Наконец он выпрямился и продолжал свой рассказ.

– Итак, я сошел вниз; но, подойдя к двери террасы, остановился как вкопанный. У подножия лестницы стоял Красинский. В одной руке у него была черная и узловатая, похожая на корень палка, а в другой он высоко поднимал над головой перстень Твардовского. Палкой он чертил в воздухе какие-то кабалистические, вероятно, знаки и мерным голосом бормотал что-то странное и непонятное. Красинский был так поглощен своим занятием, что не заметил даже моего прихода. Затем он вытянул руку с кольцом по направлению видневшейся вдали лодки.

У меня же вдруг сердце тревожно заныло в груди. Была ли то галлюцинация, или необъяснимая игра света? Но я ясно видел, что из земли стал подниматься черноватый пар, окутавший затем Красинского как будто прозрачной дымкой. В ту минуту из камня кольца брызнули длинные, фиолетово-синие, почти черные лучи, летевшие над озером к лодке, подобно стрелам; там эти лучи вздувались, принимали вид шаров и лопались, выбрасывая что-то черное, похожее на вылетающих из улья пчел. Вода между тем забурлила в том месте и образовала нечто вроде воронки, которая поглотила весь рой, а затем поверхность озера приняла свой обычный вид.

Изумленный, не веря глазам своим, смотрел я на странное, происходившее передо мною явление; вдруг такая ужасная тоска овладела мной, что я убежал. Очутившись в своей комнате, я упал в кресло и взялся руками за голову.

С точки зрения «здорового смысла», то, что случилось, было невозможно; а между тем я действительно видел... Тогда, значит, правда, что Красинский состоит в сношениях с «оккультным» миром, неведомым прочим, и располагает зловредными силами. В таком случае какая-нибудь таинственная опасность грозила моему другу.

– Ах, и зачем только Петр Петрович уехал! – пронеслось в моей голове. – Я забыл упомянуть, что наш радушный хозяин отправился по делам в город и должен был вернуться на следующий день.

Почти невольно глаза мои стали искать образ в углу; то была икона Святителя Николая. Я встал и подошел ближе, собираясь помолиться, чтобы угодник охранил мо его друга и отвел от него угрожавшее ему может быть зло. Но не успел я поднять руку, чтобы осенить себя крестом, как услышал в комнате треск; затем меня что-то сильно ударило по голове и я упал замертво, задев при падении об угол стола головой...

Когда я открыл глаза и огляделся, то увидел, что вокруг меня разбросано разное платье. Оказалось, что совершенно непонятно как подломилась ножка вешалки, которая, падая, и задела меня концом.

– Слава Богу, что в данном случае причина явления была естественной, а не следствием какой-нибудь непонятной «чертовщины», – подумал я и, наложив компресс холодной воды на ушибленную голову, распахнул окно, потому что задыхался от жары и духоты.

За время моего беспамятства погода испортилась. Свинцовые, темные тучи затянули небо; дневной свет сменился белесоватым сумраком, и в отдалении грохотал гром; порывы бурного ветра хлестали поверхность озера и поднимали на нем седые, темные, громадные волны, каких я еще никогда не видел здесь. Надвигалась, видимо, буря.

Охваченный снова мучительной тоской, я взял бинокль и стал разглядывать, не едут ли наши охотники. Но нигде и следа их не было видно. Я решил, что они вероятно, добрались до острова и там пережидают бурю; однако смутная тревога не проходила. Тогда я закрыл окно и сошел в ту самую гостиную, где мы теперь сидим. Здесь я нашел Марусю в слезах и утешавшую

ее Катю. Наши убеждения не действовали, и я понял, что у нее было одинаковое с моим дурное предчувствие. Не обращая внимания на бурную погоду, мы вышли на террасу, а я сходил в кабинет Петра Петровича за биноклями, и мы принялись разглядывать озеро с островком в надежде найти хоть какое-нибудь указание, что наши приятели в безопасности.

Буря дошла до полной ярости. Свистел ветер, сгибая деревья, яркие молнии бороздили темно-сизое небо и страшные раскаты грома шли без перерыва. Озеро кипело, точно котел, и глухо рокотало, а серые косматые валы яростно бились о берег.

Вдруг вдали я заметил лодку, которая, видимо, пыталась добраться до острова. Пенные волны кидали ее из стороны в сторону, как ореховую скорлупку, и ежеминутно грозили затопить.

Глухой крик Маруси дал мне понять, что и она заметила лодку. Однако я надежды не терял: буря гнала лодку к острову, и если ей удастся пристать, – путешественники спасены. Но в это мгновение сердце у меня замерло. Лодка, которую я видел за секунду на гребне волны, вдруг исчезла. Однако она снова появилась, но уже без пассажиров и с торчавшим кверху килем.

Падение тяжелого тела заставило меня очнуться от моего оцепенения. Маруся упала без чувств, выронив бинокль. Я поднял ее, отнес в залу и просил бледную, расстроенную Катю позаботиться о ней. На вопрос мой: «Где Красинский?», – она ответила, что он только что уехал на остров и намеревался быть здесь к обеду. Не слушая ее далее, я выбежал, чтобы созвать людей и сообщить о постигшем несчастье.

Вскоре кучка озабоченной прислуги уже собралась на берегу. Я приказал подать другую лодку, стоявшую под навесом, и двое людей, несмотря на опасность, вызвались сопровождать меня. Когда мы отошли, один из моих спутников сказал:

– Ваше благородие, а ведь ежели с острова видели случившееся несчастье, надо полагать, что Агафонов постарается спасти людей; он ведь старый отважный матрос.

Говоривший был прав. В тревожном состоянии духа я совершенно забыл, что по просьбе Вячеслава, Петр Петрович принял на службу отставного матроса, с которым мы плавали еще будучи гардемаринами. Человек этот, испытанной храбрости, добрый и смелый, во всяком случае будет мне полезен как отличный пловец, если бы даже он и не видел беды.

Ветер ослабел уже и мы шли довольно быстро. Неподалеку от островка мы увидели направлявшийся к нам челнок с одним гребцом. Это был Агафонов; с одежды его ручьями текла вода, а на бледном, расстроенном лице написаны были печаль и испуг. Он тотчас причалил к нам и подавленным голосом проговорил:

– Несчастье... несчастье, ваше благородие!

– Погибли они? Ты видел, как они тонули?! – воскликнул я вне себя.

– Никак нет. Мы их всех троих уже выловили, и оба инженеры живы, а Вячеслав Иванович, кажись, что померли.

– Где же он? – спросил я, охваченный нервной дрожью.

– В доме, на острове. Инженеры помогли мне перенести его, и дохтур теперь откачивает. – И как они могли так скоро потонуть? Потому плавали-то они, ровно рыба. Просто в толк взять не могу, – прибавил матрос, вытирая рукавом глаза.

Через несколько минут мы пристали к берегу. Я выскочил на землю и опрометью бросился в дом. Никогда еще это поганое здание не производило на меня такого удручающего впечатления, как в этот раз, и массивный подъезд с черными мраморными ступенями походил на вход в могильный склеп, а не в жилое помещение. В сенях меня встретил слуга Красинского, которого он привез с собой, – маленький, коренастый человек с такой же лукавой, противной рожей, как и у его барина. Он нес белье и таз с теплой водой и провел меня в комнату, куда внесли тело моего друга.

Это была большая сводчатая зала, освещаемая высокими, узкими и стрельчатыми окнами с разноцветными стеклами. Своей обстановкой, стульями с высокими спинками, черными бархатными портьерами и бледным полусветом, проникавшим в окна, комната производила подавляюще мрачное впечатление.

Посредине, на большом столе, лежал Вячеслав, а около его тела с засученными рукавами сорочки и со щеткой в руках хлопотал Красинский, которому помогал один из молодых людей. Доктор был разгорячен и утомлен, по-видимому, усилиями оживить моего бедного друга; но я видел достаточно утопленников и сразу понял, что все кончено.

– Какое ужасное несчастье. Какой удар для Марии Петровны! – воскликнул помогавший Красинскому инженер Авинов.

Красинский дохнул в рот Вячеслава и выпрямился, вытирая струившийся по лбу пот.

– Ну, не каркайте заранее; я еще не теряю надежды.

– Но ведь он мертв, – сказал я, взяв неподвижную, похолодевшую руку моего друга детства. И слезы хлынули у меня из глаз.

– Конечно, он кажется мертвым, но это не доказывает еще смерти, и он может быть в состоянии каталепсии, – ответил Красинский. – Два года тому назад я видел в Гавре подобный же случай. Одного утонувшего рыбака замертво вытащили и отнесли даже в больницу для вскрытия. Однако случай, про который долго было бы рассказывать, внушил мне подозрение, что он в каталепсии; я применил к нему некоторые, изобретенные мной средства, и опыт увенчался успехом, – человек ожил. Подобный же опыт я хочу испытать теперь над Вячеславом Ивановичем и, надеюсь, с прежним успехом. Постарайтесь только скрыть до завтра от Марии Петровны состояние ее жениха.

– А какие же это средства? – спросил я.

В душе у меня создалось глубокое, непреодолимое недоверие к этому человеку. Он был несомненно влюблен в Марусю; затем, только что я видел, как он производил какие-то загадочные манипуляции, а теперь вдруг во что бы то ни стало воспылил желанием спасти своего соперника...

– Я не могу объяснить вам мой метод в нескольких словах и скажу только, что животный магнетизм играет в данном случае большую роль, а кроме того... если хотите, немножко и магия, – заметил, смеясь, Красинский. – Для потомка дьявола легкое колдовство даже необходимо. Я начну сейчас же свои приготовления, и вы можете присутствовать при них, если это вас интересует.

Он начал делать пассы над телом, в особенности над головою, и, спустя несколько минут, веки трупа вдруг опустились на глаза, до тех пор полуоткрытые и стеклянные.

– Победа! Отныне я не сомневаюсь более в справедливости моего предположения, – весело заявил Красинский.

Увидав, что я поспешил приложить ухо к сердцу Вячеслава, он прибавил:

– Вы слишком спешите. Биение сердца существует несомненно, но оно неощутимо без помощи одного инструмента, которого у меня, к сожалению, нет с собой...

После этого, он намагнетизировал несколько кусков красного сукна, которые положил на лоб, желудок, спину и ладони рук; затем, приказав переложить тело на матрац, он прикрыл его одеялом и пригласил всех нас вместе выйти из комнаты.

– Надо пока оставить его на несколько часов в полном покое, дабы дать всосаться флюиду. А после этого я испробую решительное средство.

Мы решили остаться на острове ждать результатов. Я был в неопишемом возбуждении, но все-таки написал Марусе, что все спасены, очень слабы и простужены, а потому, по приказанию доктора Красинского, должны до завтра оставаться в постели. Для успокоения молодой девушки я прибавил, что остаюсь ухаживать за ее женихом.

К вечеру погода прояснилась, и посланный привез нам от Кати большую корзину вина, провизии и письмо к Красинскому. Она сообщала жениху, что обморок Маруси продолжался несколько часов, но теперь она пришла в сознание и чувствует себя хорошо, хотя очень слаба. Хорошее известие ободрило ее, видимо, и она легла в постель, а теперь даже спит.

Мучительно долго тянулся вечер. Красинский лег уснуть, чтобы набраться сил, – как он сказал, – для предстоящего трудного и тяжелого опыта; мы же отужинали втроем, грустные и озабоченные. Неожиданное несчастье положительно давило нас, и это гнетущее впечатление еще усиливала страшная и мрачная атмосфера дома.

На всем здесь лежал особый отпечаток чего-то зловещего и демонического. Так, например, стенные часы в столовой украшены были головой Мефистофеля в красном капюшоне, в натуральную величину, и беспрестанно вращавшиеся глаза отмечали секунды.

К одиннадцати часам явился Красинский, бледный, но в хорошем расположении духа. Он отказался от еды и выпил несколько стаканов вина, а затем мы еще раз отправились в залу, где лежал Вячеслав. Я долго рассматривал его мертвенное лицо, освещенное двумя трехсвечными канделябрами, которые доктор зажег у изголовья.

– Увы! Он положительно умер, – думал я, – а этот гусь просто надувает нас, уверяя, что он в летаргии. Нет, тут бессильна всякая человеческая наука.

– Теперь, господа, я попрошу вас удалиться в соседнюю комнату, – сказал Красинский. – Мне надо остаться одному, чтобы сосредоточиться. Потерпите час или два. Если опыт удастся, на что я крепко надеюсь, я вас позову.

Когда мы направлялись к выходу, в полуоткрытую дверь шмыгнула огромная черная кошка; зеленые глаза ее фосфорически блестели, и она, ворча, остановилась около нас, оцепенившись.

– Фу, гадина какая! Пошла вон отсюда! – закричал Авинов, замахиваясь.

– Я нашел здесь эту кошку. Она жила, должно быть, на острове; я накормил ее, и она очень привязалась ко мне, – объяснил Красинский. – Пошла спать, Туту! – крикнул он, топнув ногою.

Кошка тотчас выгнула спину и поплелась в темный угол, где свернулась у камина, продолжая ворчать, храпеть и бить хвостом об пол.

– Не понимаю, что с нею сегодня. Обыкновенно это – самое кроткое в мире животное, – заметил Красинский, пожимая плечами и затворяя за нами дверь.

Мы уселись, чутко прислушиваясь к происходившему в соседней комнате, и слышали сперва, как Красинский ходил и передвигал мебель, а потом все стихло. Понемногу на меня напала непреодолимая сонливость; я решил не спать и сопротивлялся всеми силами, но все было тщетно. Товарищи же скоро уснули, сидя в креслах, а потом и я потерял сознание. Разбудил меня сильный взрыв. Часы били как раз половину первого. Товарищи мои также проснулись.

– Что это? Слышали вы? Как будто взрыв? – спросил один из них.

А мне ужасно хотелось спать, и все мое тело так отяжелело, что я не мог даже подняться.

– Нам это приснилось, – пробормотал я, снова закрывая слипавшиеся глаза.

Когда я вновь проснулся, часы показывали уже семь утра. Оцепенение, сковавшее меня ночью, прошло, но голова все-таки была тяжела и ныла. Спутники мои продолжали спать тревожным сном, но я разбудил их.

– Послушайте, господа. Мы проспали всю ночь, а Красинский не приходил звать нас? Все это не сулит ничего хорошего, – высказал я в тревоге.

– Ба! Ему не удалось совершить чудо, – воскресить мертвого, – а потому не стоило будить нас, чтобы сообщить о своей неудаче, – недовольным тоном возразил Авинов.

– Все равно, надо посмотреть, что там делается, – сказал я.

Комната оказалась запертой изнутри, и мы тщетно стучали, толкали и звали Красинского. Не было никакого ответа, но Авинову послышался из комнаты слабый стон. Мы решили во что бы то ни стало войти, но выломать массивную дубовую дверь было невозможно. Позвали Агафонову и слугу Красинского и наконец, после довольно больших усилий, замок поддался и дверь отворилась. Смущенные, остановились мы на пороге.

Канделябры все еще горели на столе, только белые свечи были заменены черными и между канделябрами стоял еще подсвечник с седьмой, тоже черной, свечой. Под столом в металлическом тазу видна была черноватая масса, похожая на свернувшуюся кровь. Впрочем, в ту минуту все эти подробности произвели на нас мало впечатления, потому что все внимание наше было обращено на Красинского, лежавшего у стола ничком и с вытянутыми руками.

Опомнившись от охватившего нас в первый момент испуга, мы бросились к нему и подняли Красинского. Лицо его посинело, а тело окоченело. По всей видимости, он был мертв.

Бледные от страха, безмолвно смотрели мы на труп, как вдруг из груди моей вырвался невольный крик. Взглянув на Вячеслава, я заметил, что он дышит. Лицо его было синевато-бледным, глаза по-прежнему закрыты, но грудь правильно вздымалась. Красинский совершил *чудо*, заплатив, по всей вероятности, за него собственной жизнью. Труп Красинского вынесли, а Вячеслава осторожно положили на диван в другой комнате, чтобы при пробуждении его не ошеломила странная обстановка залы. Распорядившись пригласить врача и известить власти, я поместился около своего друга, ожидая его пробуждения. Авинов же с приятелями отправились домой сообщить Марусе и Кате о происшествиях... С тревожным любопытством рассматривал я лицо Вячеслава. Он, положительно, был жив и чуть заметное дыхание вырывалось из его уст, а иногда он даже слабо шевелился. Но, вероятно, он был страшно изнурен и потребуются много времени, пока он оправится от этого ужасного случая. Вдруг увидел я на его пальце магическое кольцо пана Твардовского, и это обстоятельство направило мою мысль на Красинского.

Отчего он умер? И я стал перебирать все частности последнего случая. Несомненно, смерть его могла последовать от сильного утомления и слишком большого напряжения воли, вызвавшего прилив крови к мозгу или паралич сердца. Но почти тотчас же я откинул это простое объяснение. Тайный голос шептал мне, что причина смерти была иная, *оккультная*, и что это был не просто разрыв сердца, а неудавшийся магический опыт, убивший дьявольского отпрыска. Я припомнил, как накануне видел его на террасе, окруженного, словно дымкой, черноватым паром, с поднятым в руке магическим кольцом, из которого изливались темные лучи, рассыпавшиеся, точно пчелиный рой, черными точками вокруг лодки. Что имел он в виду, производя это странный опыт? Возможно ли, чтобы он мог повлиять на последовавшее за сим несчастье? Однако, если он желал смерти соперника, то к чему было затрачивать столько усилий на то, чтобы спасти его?... Я был тогда полным невеждой в этих вопросах; но тем не менее, в конце концов решил, что Красинский пал жертвой собственного незнания. Вероятнее всего, его соблазнил опыт, подробности которого были не вполне известны ему; он коснулся и привел в движение могучие пружины, совладать с которыми не мог, и эти таинственные силы убили его. Позже я много изучал эти темные вопросы и получил не одно объяснение непонятных мне прежде явлений. Конечно, я все еще остаюсь невеждой в сложных тайнах высшей *черной магии*; но теперь я понимаю достаточно, и у меня сердце содрогается при виде вас здесь, в полной власти *злого рока*, – прибавил, тяжело вздыхая, адмирал.

Замятины тревожно переглянулись. Невольно смутная и бессознательная тревога овладела ими.

Иван Андреевич снова начал прочитывать и перелистывать свою тетрадь, а минуту спустя продолжал прерванный рассказ.

– Через два часа приехали Маруся и Катя: одна – повидать воскресшего жениха, другая – оплакивать умершего. Взмолвленная и радостная, склонилась Маруся над Вячеславом; но,

понимая, как необходим полный покой больному, она скоро ушла; кроме того, у нее появилось новое беспокойство.

Петр Петрович не приехал утром, как бы следовало, и экипаж вернулся пустой со станции, а от отца не было ни письма, ни телеграммы. Она просила меня, если до обеда не будет никаких известий, съездить в город узнать, здоров ли он. Я обещал, и мы пошли к Кате, которая, стоя на коленях около трупа Красинского, предавалась самому ужасному отчаянию.

Вдвоем старались мы успокоить ее и утешить; она не хотела ничего слушать, повторяя, что всю жизнь не утешится, потеряв такого восхитительного, великодушного человека, пожертвовавшего жизнью для спасения другого.

Внутренне я был убежден, что Красинский не из тех, кто жертвует собой для другого, и что горе Кати скоро погасло бы, знай она, что коварный жених уже пылал любовью к другой, моложе и красивее ее. Но я воздержался, – к чему разочаровывать ее?

Немного спустя явился доктор и объявил, что Красинский умер от разрыва сердца, вызванного, вероятно, напряжением воли. Затем прибыли власти, составили протокол, и я в продолжение нескольких часов был занят, ввиду отсутствия хозяина дома и болезни его будущего зятя.

Вечером я уехал в соседний город и нашел Петра Петровича в гостинице в самом отвратительном настроении. У него внезапно сделался сильнейший приступ подагры, удержавший его в комнате; а так как боль не проходила, то он послал дочери письмо, разошедшееся со мною. Рассказ мой о всем случившемся в его отсутствие очень взволновал его, особенно опасность, которой подверглся Вячеслав.

– Бедная моя Маруся не перенесла бы потери любимого человека, да еще за несколько дней до свадьбы, – сказал он.

Само собой понятно, я не упомянул ничего про виденные мною оккультные явления. Смерть Красинского он принял довольно холодно.

– Не знаю почему, но этот господин всегда был мне противен. Кроме того, я подметил, что он интересовался Марусей больше, нежели следовало бы чужой невестой. Пусть земля будет ему легка... Бог знает, какие тяжелые осложнения могли быть в будущем; даже для Кати смерть эта не служит несчастьем.

Слуга, объявивший, что чай готов, прервал адмирала, и все общество перешло в столовую.

III

После чая адмирал собирался отложить до следующего дня свой рассказ, но Замятин и жена его так заинтересовались, что просили продолжать; ну а Надя горела и дрожала от любопытства. Она бросилась к крестному отцу на шею, целовала его и умоляла сегодня же окончить трогательное приключение.

– Не задуши меня, крошка, иначе ничего не узнаешь, – смеялся адмирал. – Если кончат сегодня, то нам придется просидеть до утра.

– Ничего, крестный. Все равно я и без этого не усну. От всех этих таинственных историй у меня мурашки пробегают по коже; а вместе с тем, они буквально обворожили меня. Притом, мне крайне жаль бедную Марусю. Ведь какая же неслыханная и роковая случайность: в наше время встретить колдуна, потомка дьявола, как Красинский. Это исключительное несчастье.

Адмирал сделался опять серьезным.

– Ты ошибаешься, Надюша, думая, что в наше время не существует лиц, умеющих пользоваться силой зла, и я убежден, что немало людей становится жертвами неведомых и страшных сил, существования которых мы не подозреваем.

Все вернулись в зал, и адмирал возобновил рассказ, а Надя стала серьезна и задумчива; она бросила вышивание и уселась около крестного.

– Так я возвращаюсь к тому моменту, когда очутился в городе у Петра Петровича, больного подагрой. Я съездил всюду по его делам, сделал кое-какие покупки и не покидал его, пока он мог отправиться в Горки. Когда мы приехали, Маруся сообщила, что Вячеслав уехал накануне, едва оправившись от ужасного происшествия. Его вызвали телеграммой к опасно заболевшей матери, а через неделю получено было известие о кончине госпожи Тураевой. Коротенькое письмо передавало подробности смерти старушки и указывало, что необходимость приведения в порядок дел удержит Вячеслава, по крайней мере, на три недели; до этого времени и приходилось отложить свадьбу.

Последовавшее затем время шло тихо, без приключений; смерть Тураевой и траур Кати принудили отменить всякие приемы и празднества. Вячеслав постоянно присылал подарки и телеграммы, извиняясь, что не пишет, будучи занят день и ночь спешным окончанием дел ради скорейшего возвращения к своей обожаемой невесте. Одна его просьба, впрочем, к Марусе и Петру Петровичу удивила меня и покорила. Он просил их прибрать дом на островке, чтобы можно было иногда проводить там несколько дней со своей молодой женой, так как место это стало ему дорогим по воспоминанию о его чудесном воскрешении и великодушном человеке, умершем, спасая его.

Я употребил все старания, чтобы убедить Петра Петровича не исполнять этой фантазии и не допускать молодую чету хотя бы одну лишь ночь проводить в этом страшном месте. Но Хонин, как я уже говорил, был убежденный скептик. Он рассмеялся на мои слова и сказал, что моряку стыдно верить таким «бабьим сказкам», что маленький замок на островке действительно восхитительное и своеобразное место, а потому и желание Вячеслава пожить там иногда вполне естественно. Маруся была под влиянием жениха и не протестовала, а Катя даже обиделась моим противодействием, как оскорблением будто бы памяти ее несчастного Красинского.

– Я не предполагала, что вы такой отсталый и такой... неблагодарный, Иван Андреевич. Я считала вас более благоразумным и понимающим, что все эти глупые истории о привидениях витают только в кухонной атмосфере и в полоумной голове какой-нибудь деревенской бабы, – уколола она меня.

Я промолчал, но не принимал никакого участия в убранстве дома на острове. Вячеслава ожидали только утром в день свадьбы; раньше он не мог приехать, а откладывать венчание ни за что не хотел.

Настал наконец свадебный день. Когда я проснулся, слуга доложил мне, что жених приехал на заре, несколькими часами раньше, нежели его ожидали, и, усталый с дороги, лег спать. Я не видел его и за завтраком, но часом позднее, когда я в своей комнате укладывал вещи, собираясь выехать на следующий день, дверь отворилась и вошел Вячеслав. Мы стремительно бросились в объятия друг друга, горячо обнялись, а затем я, держа его за руки, отодвинулся, чтобы взглянуть на приятеля.

Несомненно, ужасный случай подействовал на него. Сильная бледность сменила прежний свежий цвет лица и только губы стали красными, чего не было прежде.

– Ты еще очень бледен, – заметил я, – и, кажется, слаб. Я остановился и не мог говорить от волнения.

Я встретил его взгляд, и... по коже моей пробежал мороз. Я выпустил его руки, и взор мой прирос к столь знакомому лицу друга, которого я любил, как брата. Конечно, на меня смотрели большие и серые глаза Вячеслава, но взгляд их был не прежний: открытый, ясный и улыбающийся; лукавый и в то же время злобный, грозный взгляд, устремленный на меня, показался мне взглядом... Красинского.

– Что с тобой, Ваня, ты нездоров? – спросил он меня.

– Ничего. Я здоров... Только взволновался чуточку, видя тебя впервые после того, как ты был почти мертвым, – пробормотал я, отирая потный лоб.

Он засмеялся, и снова это не был смех Вячеслава.

– Ты прав. Меня вернули с «того света» и это происшествие глубоко подействовало на весь мой организм. Я все еще не могу оправиться от слабости, страдаю головными болями и не в состоянии объяснить отсутствие памяти. Но надеюсь, что в спокойной обстановке семейной жизни, с обожаемой женой, все эти болезненные явления исчезнут.

Мы поговорили еще немного, а потом он ушел, сказав, что хочет еще отдохнуть, прежде чем одеваться к венцу. Оставшись один, я сел у окна и, сжимая руками голову, задумался. Мне казалось, что я теряю рассудок. Я не мог сомневаться, что видел перед собой своего друга детства, а между тем это был не *он*; глаза – не его, а того подозрительного человека, столь таинственно умершего... Я старался уверить себя, что все это только мне показалось; но когда вспоминал зловещий и угрожающий взгляд, смотревший только что на меня, ледяная дрожь потрясла все мое существо. Вдруг вспомнил я Марусю.

Она, эта любящая женщина, еще сильнее меня должна ощутить страшное превращение жениха, заметить в его взгляде душу *другого* и угадать истину. С лихорадочным нетерпением ожидал я минуты, когда увижу их вместе.

Ввиду траура Вячеслава, свадьба должна была быть без всякого торжества и было приглашено самое ограниченное число друзей. На следующий день молодая чета отправлялась в двухнедельное путешествие в Киев и его окрестности. Но с истинной горечью узнал я, что свадебную ночь они намеревались провести в доме на островке и мрачное предчувствие сжимало мое сердце.

Бракосочетание совершилось в сельской церкви, которую видно с вашей террасы, и служил отец Тимон. Потом он признался мне, что никогда в жизни не совершал с такой тяжестью на сердце святого таинства. Все время чувствовал он себя дурно, а колющая боль во всем теле мучила так, что руки его дрожали и голова кружилась.

Печальный и взволнованный, следил я за невестой. Она была восхитительна, а в ее чистых глазах светилось спокойное счастье, и я понял, что она *ничего* не заметила. Вячеслав был мертвенно бледен и минутами лицо его подергивалось нервной судорогой. Разного рода дурные предзнаменования омрачили торжество. Обручальное кольцо выскользнуло из руки жениха, когда он хотел надеть его на руку невесты, и упало на землю; вуаль молодой загорелась и ее пришлось сорвать; наконец, при возвращении из церкви, среди бела дня, на дороге появился волк. Испуганные лошади бросились в сторону и едва не опрокинули экипаж ново-

брачных. Но все эти случаи, бывшие зловещими приметами, казалось, не произвели впечатления на Марусю; она была весела и после ужина мы проводили молодую чету на берег озера. Там их ожидала лодка, убранная цветами, украшенная коврами и иллюминированная. Маруся вошла в нее веселая и радостная. Это был последний раз, что я видел ее сияющей и счастливой рядом с ее бледным мужем.

Островок был также иллюминирован. Разноцветные фонарики сверкали в зелени, и он казался над гладкой поверхностью озера драгоценным камнем, блестящим всеми цветами радуги при свете бенгальских огней. Я уехал в ту же ночь.

Судьба моя неожиданно изменилась. Вместо того, чтобы догонять эскадру, меня послали в Севастополь, а оттуда предстояло ехать в Петербург, где я временно был прикомандирован к Морскому штабу. Прощаясь с Петром Петровичем, тепло и дружески относившимся ко мне, я вынужден был дать ему слово, что на возвратном пути в столицу сделаю небольшой крюк и заеду дня на два в Горки.

Не буду говорить о месяце, прошедшем между моим отъездом и возвращением к Петру Петровичу. Закравшееся в душу подозрение мое относительно «подмены» личности моего приятеля не рассеялось, понятно, а, напротив, даже усилилось. Вячеслав перестал быть для меня прежним другом и братом. Я не получил ни одного дружеского письма, поверявшего, как бывало прежде, всякую безделицу его жизни, всякое его душевное движение; между нами встала и крепла невидимая стена.

Приехал я в усадьбу довольно поздно, и слуга сообщил мне, что барин, страдавший подагрой, уже в постели, а молодая чета была на островке. Я отложил свидание на утро и также лег спать.

Вячеслав вставал всегда очень рано и потому на следующее утро, не ожидая когда поднимется Петр Петрович, я взял лодку и переправился на островок. Лакей сказал мне, что молодой барин еще не выходил из уборной, и это меня слегка удивило. Я прошел в кабинет приятеля и сел у открытого окна, за его письменным столом.

На столе валялись письма и бумаги; прямо передо мною лежал конверт, адресованный одному деловому лицу, и готовое еще не сложенное письмо. У нас никогда не было секретов друг от друга, а имя поверенного указывало мне, что дело шло о продаже одного имения, давно находившегося под запрещением. Без всякой задней мысли взял я письмо, чтобы узнать, как обстоит дело; но, по мере того, как читал, мною овладевало тяжелое чувство. Почерк был Вячеслава, но он был деланный и производил впечатление копии; из под букв как бы выступал другой почерк и местами очень отчетливо. Подпись тоже походила на подпись Вячеслава, но характерный росчерк в конце был чужой. Но где я видел его? Не у Красинского ли? Раз у Вячеслава глаза *того*, может быть, он унаследовал и его почерк?...

Я стал перебирать свой бумажник, где должно было остаться старое письмо друга и также записочка поляка, в которой он просил у меня книгу. Найдя обе бумажки, я положил их перед собою и стал сличать, а через несколько минут убеждение мое составилось: письмо с подписью Вячеслава было написано Красинским.

Как пьяный, обливаясь холодным потом, спрятал я письма и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза. Буря бушевала во мне. Мой положительный ум, путем воспитания ставший скептическим, отказывался допустить факт столь аномальный, хотя и подкрепленный, казалось, неопровержимыми доказательствами.

– Боже Всемогущий, помоги мне, просвети меня в этом сплетении мрачных тайн, – от всей души подумал я.

Я вздрогнул и открыл глаза, услышав злобное мяуканье, царапанье когтями. На протяжении руки от меня, расправляя упругие лапы и дугой выгнув спину, сто яла огромная черная кошка, которую я видел в ту страшную ночь. Шерсть этой противной твари стояла дыбом, хвост торчал, как палка, когти ожесточенно царапали сукно стола, а зеленые фосфорически

блестевшие глаза пристально и с адской злобой смотрели на меня. Охваченный непобедимым чувством ужаса и отвращения, я вскочил и отступил назад.

– С нами крестная сила! Тьфу! Убирайся прочь, гадина, – вырвалось у меня почти невольно.

Но животное одним прыжком вскочило на меня и вцепилось в грудь, стараясь укусить. Я глухо вскрикнул и стал отбиваться. Мне казалось, что острые когти уже рвут мою кожу; но в эту минуту чья-то рука схватила животное за шиворот и выбросила за окно в сад. Это был Вячеслав.

– Черт возьми! Что же с ней такое? Ты ее дразнил? – спросил он.

Я оперся на стол, с трудом переводя дух.

– Что с ней? Это какая-то дьявольская тварь. Как можешь ты держать подобную гадину? Это бешеное животное, и я всажу в него пулю в первый же раз, как только увижу, – сердито крикнул я.

Вячеслав принужденно и сухо засмеялся.

– Ну, не горячись. Уж сейчас и убивать бедное животное. Я сам не люблю его и не хочу больше держать...

– Но ведь это опасная тварь; она может когда-нибудь напугать твою жену, – перебил я его.

– Кошка эта очень редко появляется; она ютится, вероятно, в какой-нибудь дыре и надо полагать, что это старая обитательница островка. Покойный Красинский пригрел и кормил ее; вот в ожидании подачи, должно быть, она и появляется иногда неизвестно откуда. Но ты прав, она могла бы испугать Марусю и следует удалить ее, или убить. А теперь пойдем пить чай, жена ждет нас на террасе.

Мы были уже у двери, когда вдруг он сказал:

– Ты ведь знаешь дорогу? Так и ступай, а я приду сию минуту; мне надо только сосчитаться с садовником.

Шел конец сентября, но стояла великолепная погода, и было тепло, как летом. На террасе за чайным столом сидела Маруся, прелестная в своем голубом кисейном платье. Увидев меня, она поспешно встала и протянула мне обе руки. А у меня сердце сжалось при виде ее, и я с ужасом, пристально глядел на дорогое мне, бледное и похудевшее лицо с выражением горького разочарования; во взгляде, обращенном ко мне, читалось глубокое отчаяние.

Я любил Марусю такой чистой любовью, что в сердце моем не было и тени пошлого чувства ревности; наоборот, я от всей души желал ей счастья с человеком, которого считал братом. А между тем она – несчастлива и в этом нельзя было сомневаться.

Грудь мою болезненно сдавило и в голове блеснула мысль, что безумно влюбленная в Вячеслава Маруся открыла *аватар*,³ и что тревожившее меня подозрение столь неслыханной подмены мучило теперь и ее.

Мы обменялись взглядом, который был красноречивее всяких слов; ведь мысль выражается глазами иногда очень сильно. Словом, мы поняли друг друга и, глубоко взволнованные, опустили глаза. Я безмолвно прижал к губам ее похолодевшие ручки, а потом сел и молча стал мешать в стакане сахар. В эту минуту вошел Вячеслав.

Я заметил, как встрепелась Маруся, и как ее рука чуть дрожала, когда она подавала ему чашку чая. Далее она сидела молча, рассеянно грызя сухарь.

Мы разговаривали с Вячеславом. Я рассказывал ему подробности моей командировки в Севастополь, а он говорил об их свадебном путешествии. Но все время холодный, зловещий и грозный взгляд, далеко не взгляд друга моего, а взгляд Красинского, – прикован был ко мне, следя, казалось, за всеми моими движениями и обдавая меня холодом. Но я был малый отважный и это томящее, никогда не испытываемое мною раньше чувство какого-то порабощения,

³ В Индии так называется земное воплощение духа, чаще всего воплощение бога Вишну.

тоски и страха, и овладевшее мною в присутствии этого загадочного человека, – положительно бесило меня.

– Твое свадебное путешествие было слишком коротко, – сказал я, недолго думая. – Почему ты не повезешь Марию Петровну в Крым или в Италию? Это развлекло бы ее. А этот остров кажется слишком уединенным и скучным для молодой женщины; к тому же, это – злополучное место. Здесь умер странной, загадочной смертью Красинский, претендовавший сам на родство с адом. Кто знает, не блуждает ли здесь его сатанинская душа в обществе его спутницы – поганой кошки. Во всяком случае, тебе следовало бы отслужить молебен и освятить дом.

В эту минуту я увидел, что на перила ползла та самая мерзкая тварь, о которой я только что упомянул. Украдкой взглянул я на Вячеслава, облокотившегося на стол и пристальным, сверкающим взглядом смотревшего на меня. Он был смертельно бледен, и рот его кривила циничная, злая усмешка Красинского, скаля зубы из-за кроваво-красных губ. Мне становилось жутко, но я все-таки продолжал решительным тоном и, поборов ледяную дрожь, сказал громко:

– Да, да! Вы должны позвать священника и изгнать нечистые силы, которые гнездятся здесь. Ты знаешь: *Живущий под покровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится.*

В эту минуту вокруг нас послышался грохот, словно посыпались кирпичи и бились стекла. Я вскочил, испуганный; но, увидав кошку, которая присела, чтобы прыгнуть на меня, занялся ею. Но на этот раз я был уже предупрежден. Я схватил за шею адскую тварь и, почти крича: «Да воскреснет Бог», – швырнул кошку с такой силой, что она шлепнулась о балюстраду и полетела на пол, вытянув лапы, как дохлая. Обернувшись, я увидел, что Маруся, откинувшись на стуле, была в обмороке, а Вячеслав исчез...

Тщетно искал я причину шума, слышанного нами; все стекла были целы и нигде не видно было ни камней, ни кирпичей. Пока я старался привести в чувство молодую женщину, возвратился Вячеслав, держа в руках маленькое ружье Монте-Кристо.

– Это рассыпалась куча камней, приготовленных для постройки теплицы, и перебила стекла в парниковых рамах, – вскользя сказал он, помогая мне поддержать Марусю. – Бедняжка, испугалась, – прибавил он.

Он позвонил горничной, и Марусю увели; она открыла глаза, но вид ее был очень нехорош.

Возвратившись, он подошел к балюстраде и ногою сбросил труп кошки в сад.

– Я хотел пристрелить животное, но вижу, что ты уже расправился с ним сам, – засмеялся он. – Меня крайне удивляет, что ты стал суеверен, Ваня. Прежде ты был скептик и человек храбрый, а теперь всего боишься: и несчастной кошки, и призрака Красинского, и этого престестного маленького дворца, даже самого воздуха здесь на острове; я просто тебя не понимаю. Кстати или некстати ты выкрикиваешь заклинания и крик твой немало способствовал испугу бедной жены.

И снова он разразился громким хохотом, но этот дикий неприятный звук не имел ничего общего с открытым и заразительным, веселым смехом подлинного Вячеслава.

– Вероятно, все на свете меняется, – возразил я не без ехидства. – Жена твоя из свежей и веселой сделалась бледной, худой и печальной; я стал суеверен, а ты... ты так изменился, что можно подумать, будто тебя подменили.

Он обратил мои слова в шутку, но в глазах его сверкнул злой огонь. Я придрался к первому попавшемуся предлогу, чтобы уехать, и он не удерживал меня: прощание наше было холодно и во все время переезда я повторял охранительные молитвы от злых духов.

Петр Петрович встал и ждал меня. Я сказал ему, что возвращаюсь от молодых и что падение кучи кирпичей напугало Марию Петровну, но она уже оправилась. Конечно, я ничего не сказал о таинственной чертовщине и о невероятных подозрениях, боясь огорчить больного,

который все равно не мог ни пособить, ни даже понять происходившего, вследствие полного неверия. Петр Петрович слушал меня с озабоченным видом, а потом, минуту помолчав, сказал:

– Бедная Маруся стала очень нервна и впечатлительна; вообще, она мне не нравится. Я думал, что, выйдя замуж, она будет на седьмом небе; а вместо того она бледнеет, худеет и скучна, точно что-то тяготит ее. – Он на минуту замолчал, а потом продолжал: – Иван Андреевич, заметили вы, какая странная перемена произошла в Вячеславе после ужасного случая с ним на озере? Его точно подменили. Прежде он был такой симпатичный, что называется душа-человек; а теперь, не понимаю почему, но не лежит у меня сердце к нему.

Я отделался несколькими общими фразами, не рискуя сказать ужасную правду, и постарался перевести разговор на другую тему. Ссылаясь на необходимость безотлагательно вернуться в Петербург, я провел в Горках только один еще день; новобрачные обедали у отца и, по-видимому, все было по-прежнему, но внутренний разлад был несомненен.

Я поселился в Петербурге. Воспоминание о странных и непонятных происшествиях, свидетелем коих я был, словно кошмар, преследовало меня, но объяснения найти я не мог...

На помощь мне пришел неожиданный случай, если, вообще говоря, «случай» существует.

На вечере у моего начальника я познакомился с одним отставным полковником, внушившим мне большую к себе симпатию, особенно когда я узнал, что он интересуется спиритуализмом и оккультизмом, обладая притом обширной библиотекой по этим предметам. Я сделался частым гостем у полковника Вроцкого, прочел немало книг из его библиотеки, и многие темные вопросы потустороннего мира стали освещаться для меня новым и неожиданным светом; однако ни объяснения, ни подтверждения наиболее интересовавших меня явлений я не находил.

С полковником Вроцким я очень подружился. Как-то вечером, когда мы были вдвоем в его кабинете, я рассказал Николаю Андреевичу странные факты, которые мне довелось наблюдать в Горках, и сообщил невероятное, почти преследовавшее меня подозрение. Он выслушал меня с серьезным, задумчивым видом.

– Сообщенный вами факт вполне возможен и, к несчастью, таков он и в данном случае, – сказал он, когда я кончил. – В летописях оккультизма его зовут «аватар», но самая операция его относится уже к области *высшей* черной магии.

Положив руку на мое плечо, он прибавил:

– Ад – страшная область, мой молодой друг. Если бы люди знали, до какой степени они окружены силами *зла*, они меньше бы смеялись и больше молились. Во все времена, самые отдаленные, церковь всегда вела ожесточенную борьбу с бесовскими силами. Спаситель наш, Иисус Христос, недаром поместил в действительно *божественной*, завещанной нам молитве, такое обращение к Отцу Небесному, как: «Не введи нас во искушение, *но избави нас от лукавого*». А молитва – единственный, заметьте, щит для каждого против ада. Обращаясь к интересующему нас случаю, вот мое мнение: ваш несчастный друг пал жертвой *оккультного* убийства и душа его несомненно покинула свою смертную оболочку. Злой человек, связанный с адом, совершил «аватар» и вселился в труп Тураева, чтобы завладеть женщиной, которая ему нравилась. Но ужаснее всего то, что я считаю несчастную молодую Тураеву безнадежно погибшей...

Заметив, что я побледнел и в глазах моих отразилось глубокое отчаяние, он вздохнул и дружески сказал, утешая меня:

– Бедный друг мой. Я вижу, что эта грустная история огорчает вас и угнетает сильнее, чем я думал. Но, во всяком случае, по-моему, лучше знать истину, а она такова: кто отдается во власть ада, тот гибнет, если, конечно, он не обладает чрезвычайной духовной силой и могущественным знанием. Невежество в этих делах влечет за собою гибель чаще, чем думают; а профаны, не знающие азбуки черной магии с ее страшными законами, и легкомысленно приводящие в действие неведомые им силы, платятся за это своим здоровьем, состоянием, счастьем и даже жизнью. В назидание я расскажу вам кстати грустную историю одного из моих дру-

зей, прекрасного, образованного человека, который заплатил, однако, мучительной смертью за свою неопытность и то преступное легкомыслие, с которым он, шутя, коснулся страшных законов черной магии, не зная даже первого слова ее. Нельзя шутить с *адам*, это – опасная забава, и мой бедный приятель, камергер Бореско познал это на собственном опыте. История эта наделала в свое время много шума в петербургском «большом свете».

– Милейший Константин Александрович интересовался, правда, оккультными науками, но интересовался с беспечностью большого барина, который любил только «забавляться», а по небрежности, или лени не давал себе труда серьезно изучить мудреные вопросы этой темной для нас области. Константин Александрович любил собирать за «вертящимся столом» веселое беззаботное общество и в кругу хорошеньких женщин вызывать духов, украшенных непременно громкими и известными именами. Никто, разумеется, не трудился проверять, соответствовал ли ярлык содержимому; невидимые обязаны были будто бы «потешать» общество и показывать загробные фокусы. Например, считалось вполне естественным, чтобы «Коперник» проявлял себя, двигая стулья, или приносил на стол гнилой картофель; что мнимый «Ламартин», а не то особенно «Пушкин» кропали вздорные стихи, которых устыдились бы, по бессмыслице, даже наши «декаденты», «символисты», «футуристы» и т. д. На подобных пошлых сборищах праздных людей забывают справедливое, но и едкое замечание Кардека:⁴ «Попробуйте вызвать *скалу* и она вам ответит» (?), а потому принимают под личиной великих людей, или даже святых, – низших духов, часто бесов.

Но перехожу к трагическому случаю, стоившему жизни моему другу. Константин Александрович имел постоянно болевшего сына, хотя в детстве тот был сильным, здоровым и на вид крепким. Болезнь юноши между тем была *оккультная*. Он одержим был нечистым духом, который мучил его, или, вернее сказать, медленно разрушал. Несомненно, одержимость эта коренилась в прошлом земном существовании этого юноши, и неизвестные нам узы связывали поработителя с поработленным. Завязка этой истории подтвердила мое убеждение. Молодой человек нашел однажды в жилетном кармане фотографию неизвестной ему голой женщины, а со времени этой находки и началась одержимость. Эта женщина стала являться ему во сне, бросалась на него и у него было ощущение, точно она сосала его кровь; причем он лишался сознания, а, пробуждаясь, чувствовал себя совершенно разбитым. Иногда вампирическое существо грозило ему, иногда глумилось над ним. Врачи, как и следует быть, объявили, что юноша страдает сильной «неврастенией» и подвержен «галлюцинациям». Естественно также, что никакое лекарство не помогало, и вот как-то Константин Александрович пришел посоветоваться со мной. А у меня в то время была превосходная сомнамбула, моя племянница. Я усыпил ее, и она объявила, что юноша – жертва сильного одержания, но она не могла указать способа излечения, так как дело очень сложное и опасное, а для благополучного окончания его необходимы особые знания и оккультная сила, которыми она не обладала. Напрасно настаивал Константин Александрович, чтобы она испробовала лечение его сына; та отказалась наотрез, и он ушел очень недовольный.

Это было весной, а на лето все разъехались и я не имел сведений о моем приятеле. Прогостив осень и половину зимы на Кавказе у брата, я только к Рождеству вернулся в Петербург. На праздниках Константин Александрович заехал ко мне и сияющий рассказал, что сын его выздоровел.

– Оказалось все это пустяками, а ваша ясновидящая просто не хотела помочь мне и сделала из мухи слона.

Я подивился, однако, и по моей просьбе он рассказал, что лето проводил у себя в имении, а там, по своему обыкновению, «устраивал» спиритические сеансы, найдя в лице молодой дамы, соседки, бесподобного медиума.

⁴ Автор сочинений: «Книга духов», «Небо и ад», «Евангелие по спиритизму» и др.

– Ее устами говорил великий «Нострадамус» (?) и я поспешил, конечно, воспользоваться таким счастливым случаем, чтобы спросить алхимика о болезни сына и средствах излечить его от одержимости, если последняя существовала.

– Ничего нет легче, – ответил молодчина «Нострадамус». – Возьмите фотографию этой загробной мерзавки, сделайте кое-какие магические манипуляции, – он предписал окуривание и что-то еще, но что именно, я теперь забыл, – а потом перочинным ножом перережьте этой девице шею, а фотографию бросьте в огонь. Молодой человек не должен, понятно, ничего знать.

В восторге от такого интересного опыта, Константин Александрович в тот же день исполнил в точности все предписания мнимого Нострадамуса.

– Вообразите, – рассказывал он, – Жорж заявил мне поутру, что видел во сне дух этой женщины. Она походила на фурию, и на шее ее зияла страшная рана, из которой ручьями лила кровь. Она грозила ему кулаками, а потом превратилась в кровавый шар, который лопнул с таким треском, что юноша проснулся.

Это произвело на молодого человека сильное впечатление, и он всюду искал фотографию, но, конечно, не нашел.

– С тех пор он совершенно здоров, и не видел более чудовища, – с довольным видом закончил мой друг.

Признаюсь, я был смущен.

– Неужели, – подумал я, – ясновидящая в самом деле просто капризничала? Или она ошиблась?

Мы решили тотчас же допросить ее.

– Вы сделали непростительную ошибку, коснувшись пружин, силы которых даже не подозреваете, – сказала она неодобрительно. – Вы навлекли сами на себя страшную опасность и берегитесь, как бы вам не поплатиться собственной шеей за такую неосмотрительную «операцию» на шее ларвы.⁵

Слова эти заставили меня задуматься. Во время рассказа моего друга я заметил, что он как будто охрип, и спросил, что с ним.

– Должно быть простудился. Я уже несколько недель как хриплю. Но надо заняться собой; меня уже начинает бесить, что я каркаю, как ворона, – небрежно ответил он.

Когда я увидел его опять, он сказал, что доктор нашел у него нарост в горле, и, вероятно, потребуется операция. Он был подавлен, утратил значительную долю своего самодовольства и стал просить меня посоветоваться с сомнамбулой. Я тотчас исполнил его желание, но ясновидящая долго молчала, а потом ответила, видимо, неохотно:

– Случилось именно то, что я предвидела. Остается посоветовать вам одно: ни под каким видом не соглашайтесь на операцию. Пока нож не коснулся вашего горла, вы еще кое-как проживете; но лишь только будет сделан хоть один надрез на шее, – вы погибли.

Константин Александрович побледнел и заволновался; он даже поклялся не допускать операции, но... ведь и ад вымощен добрыми намерениями. Семье удалось переубедить его. Больного увезли в Вену и дважды подряд оперировали. Возвратился он в Петербург уже умирающим, и когда, незадолго до смерти, я видел его в последний раз, он уже не мог говорить, но написал мне тут же в тетради: «Как вы были правы! Все верно: я умираю жертвой своего невежества и глупой неосторожности».

Адмирал замолчал и задумался на мгновение, но затем встряхнул головой и продолжал:

– Вы поймете, друзья мои, какое глубокое впечатление произвел на меня этот рассказ. Сомневаться в его правдивости я не мог, и меня страшила смертельная опасность, грозившая бедной Марусе. Я начал умолять Николая Александровича позволить мне посоветоваться с его

⁵ Злобный дух, уничтожающий одержимого им субъекта.

ясновидящей; но молодая девушка вышла, оказывается, замуж и уехала из Петербурга. Я был совершенно расстроен, а полученное в то же время письмо Петра Петровича привело меня в полное отчаяние.

Он писал, что здоровье дочери внушает ему самые серьезные опасения. Молодая женщина готовилась быть матерью; но вместе с тем сильно изменилась, имела убитый вид и делалась вообще такой странной, что мучительная тревога терзала его. О Вячеславе не было ни слова. Однако Петр Петрович счел необходимым списаться с Катей, проживавшей снова за границей, и просить ее приехать, чтобы Маруся была в обществе молодой женщины и приятельницы. В ответ он получил извещение о скором приезде Кати.

Эти дурные вести еще обострили мое угнетенное состояние. Меня неотступно преследовала мысль, что существуют, может быть, средства спасти Марусю и вырвать ее из власти убивавшего ее дьявольского существа; поэтому я приставал к полковнику, чтобы он подумал, нельзя ли разрушить *аватар*. Добрый полковник проявил в этом случае поистине ангельское терпение, и однажды вечером сказал мне с милой улыбкой:

– У меня есть для вас хорошая весть, мой юный друг. Видя ваше горе, я написал в Париж одному приятелю, оккультисту, прося его, если не поможет сам, то указать мне кого-нибудь, обладающего знанием и умением пресечь связь, подобную той, что сковала вашу знакомую. И вот его ответ: сам он бессилен в столь сложном деле, но советует обратиться к бывшему аббату Иоганнесу, величайшему магу Франции и единственному человеку, который мог бы решиться на такое лечение.

– А где находится аббат Иоганнес? – с жадностью спросил я.

– Он живет в Лионе. Если можете, добейтесь отпуска и съездите к нему. Я дам вам письмо к моему другу, который представит вас доктору Иоганнесу.

Не буду говорить, сколько труда, просьб и интриг стоило мне, чтобы получить месячный отпуск. В конце концов, я его добыл и в тот же день с экспрессом полетел в Париж. Пропускаю неважные подробности и перехожу прямо к посещению доктора Иоганнеса, жившего в Лионе.

Иоганнес принял меня радушно, прочел письмо парижского оккультиста и затем предложил изложить мне все дело. Но по мере того, как я говорил, лицо его становилось все серьезнее.

– Да, – задумчиво сказал он, когда я окончил, – случай, о котором вы говорите, не только возможен, но встречается чаще, чем полагают. В настоящем случае дух живого вошел в тело, покинутое его законным владельцем; но бывает, что и ларвические духи подстерегают такие случаи и пользуются медленной агонией, чтобы воплотиться и оживить труп уже искусственной жизнью. Подобное роковое существо приносит несчастье всему окружающему. О, если бы люди знали страшные и опасные тайны, скрытые от нас в *невидимом*, они жили бы совершенно иначе.

Когда я нерешительно спросил, возьмется ли он спасти Марусю, он покачал головой.

– Это очень трудное дело, и я не могу, понятно, ручаться за успех. Мы должны будем помериться силами с крайне сильной партией. Видите ли, я знал этого Красинского; он ученик каноника Докра, самого страшного *черного* мага нашего времени, и был *хорошим*, очевидно, учеником. То, что он мог лично, без посторонней помощи, произвести сложную и опасную операцию подобного *аватара*, доказывает его знание и могущество. Прежде, нежели что-либо предпринять, – прибавил он, – я должен вызвать дух вашего друга. Нет ли у вас какого-нибудь принадлежавшего ему предмета?

Нося давно подаренное мне Вячеславом кольцо, я передал его Иоганнесу, а также показал медальон с портретом Маруси.

– Ага! Вот это хорошо, я сейчас узнаю, в каком состоянии находится молодая женщина, – сказал он, беря медальон.

Принеся небольшой треножник и хрустальную чашу с водой, Иоганнес зажег на треножнике уголья и бросил в них порошок, который с треском сгорел, оставив беловатый аромати-

ческий дым; а в чашу он опустил три разного цвета камня, расположив их в виде треугольника. Окулив сначала медальон дымом, он держал его над водой, произнося все время формулы на незнакомом мне языке. Вода стала серой и зашипела, как шампанское, а потом сделалась совершенно мутной, грязной и зеленоватой. Иоганнес снова покачал неодобрительно головой и произнес только:

– Она очень больна. Но посмотрим, что даст завтрашний день, когда я вызову вашего друга.

– Вы поймете, друзья мои, – сказал адмирал, – с каким жутким нетерпением ожидал я следующего дня. Вечером, в назначенный час, я был у Иоганнеса, и он повел меня в комнату, предназначенную для вызывания. Посередине, на полу, был начертан большой круг, с расположенными около него тремя жаровнями с углями и различными травами. Доктор Иоганнес одет был в длинную полотняную тунику; на золотой цепочке висел нагрудный знак из кабалистических символов, а в руке он держал жезл со странными иероглифами. Поставив меня в углу, он очертил меня кругом, а потом окурил комнату ладаном и окропил святой водой, сопровождая свои действия пением и молитвами.

Жаровни он полил ароматической жидкостью и зажег уголья. После этого он стал перед большим кругом, окружил себя вторым и стал мерно произносить формулы, которые в волнении своем я едва тогда слышал и не понял; помню только, что он девять раз произнес имя Вячеслава.

Через некоторое время послышался треск в полу и стенах. Из треножников, где с треском горели травы, поднимались облака дыма, и комнату наполнил приятный, но тяжелый, удушливый аромат. Вдруг повеяло холодом и над большим кругом за клубились беловатые, искрившиеся облака. Постепенно облака эти сгустились и приняли форму высокой, стройной фигуры, закутанной в сероватое, дымчатое и развевавшееся одеяние; серая вуаль на голове скрывала лицо.

– Крестный, как ты не умер от испуга! – вскричала Надя, дрожа от страха. – Ведь это было настоящее привидение! Я не пережила бы такого ужаса.

– Я также, дитя мое, не хочу хвастаться храбростью, которой не обладал, – ответил адмирал с улыбкой. – Я был ни жив ни мертв, и зубы у меня стучали, как в лихорадке; а между тем это необыкновенное зрелище так околдовало меня, что минутами я забывал даже страх. Иоганнес достал между тем с груди Распятие и, поднимая его, повелительно произнес:

– Пришлец из потустороннего мира! Если ты – действительно дух Вячеслава, которого я вызывал, если ты освящен таинством Крещения и исповедуешь Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, то священное благоухание ладана не отгонит тебя и ты не исчезнешь перед великим символом искупления, а напротив, в этом Святом знамении почерпнешь силу отвечать нам.

Дух стоял неподвижно, и лицо его оставалось закрытым, но фигура делалась как будто плотнее. Вызыватель продолжал:

– Если ты не боишься открыть свои черты, сбрось покрывало, вдохни живительный аромат ладана и трав, освежи себя испарениями освященной воды и поклонись знамению искупления.

Вдруг видение озарилось мягким и голубоватым фосфорическим светом; завеса спала, и перед моим испуганным взором появился Вячеслав. На этот раз это действительно был он, с его ясным и чистым взором, подернутым в ту минуту грустью. Хорошо знакомым мне жестом поднял он руку и набожно перекрестился.

– Да будет благословен Бог, Создатель наш, и имя Его да прославится во веки веков, – благоговейно произнес Иоганнес. – Ты действительно дух христианина, которого мы вызывали, а теперь говори и дай ответ на мои вопросы.

Адмирал остановился и с минуту молчал, склонив голову на руки. Очевидно, вызванное воспоминание еще сильно волновало старика и присутствовавшие не осмеливались его тревожить. Наконец он поднял голову и отер влажный лоб.

– Не могу повторить вам по порядку все слова духа моего друга; может быть, я отчасти даже забыл их, вследствие необыкновенного возбуждения, в котором находился тогда. Минутами голова моя кружилась и все вертелось перед глазами, но я боролся с этой слабостью и старался слушать. Я не мог не узнать голоса Вячеслава, хотя он был слаб и доносился как бы издалека. Он передал подробности аватара и оккультного убийства, жертвой которого пал, прибавив, что Красинский давно разыскивал новое тело, так как его собственное уже было истощено слишком сильными и опасными магическими операциями, не говоря уже про всякого рода излишества. Но вот в чем он промахнулся: Маруся – не та женщина, какая ему нужна; он убивает ее, она же своим чистым флюидом и питаемым к нему отвращением постепенно разрушает узы, связующие его с насильно захваченным телом. Вдруг дух обернулся ко мне и, протягивая руки, крикнул:

– Ваня, Ваня, спаси Марусю! Упроси учителя вооружить тебя магическими стрелами и амулетом! О! Нет слов, чтобы описать, как я мучаюсь, видя ее страдания! Но, если тебе удастся увести Марусю с проклятого острова и причастить, а оживленное этим демоном тело уничтожить стрелами, тогда ты освободишь ее...

Голос замолк, видение побледнело и, казалось, расплылось в туман, а потом исчезло, точно сметенное ветром. Силы мои были истощены и я от изнеможения лишился чувств...

Когда я открыл глаза, то увидел, что сижу прислоненный к стене и Иоганнес держит передо мной стакан красного горячего вина, которое я выпил залпом. Я почувствовал себя крепче и мы перешли в соседнюю комнату, где Иоганнес еще говорил со мной по поводу сказанного духом.

– Я дам вам магические стрелы, но только через девять дней, потому что должен приготовить их; амулет же вручу сейчас, и да поможет вам Бог.

Амулет был из ароматного сандалового дерева, с вделанным в крышку золотым крестом; а внутри, по его словам, заключал в себе благословенную *остию*⁶ и частицу мощей. Через девять дней он вручил мне футляр из красного бархата, где находился небольшой золотой лук и три деревянных стрелы, которые, конечно, не могли никого опасно ранить. Лук, как и стрелы, были украшены удивительными кабалистическими знаками. Приятный и живительный аромат исходил из внутренности коробки.

– Как же мне пользоваться этими стрелами? – спросил я.

– Вы должны иметь на себе данный вам амулет и выучить наизусть формулы, написанные на этом пергаменте. Когда вам представится случай увидеть этого негодяя ночью, – если возможно в полночь, – и потом *незаметно* для него, тогда читайте заклинания и выпустите одну из стрел. Впрочем, – прибавил он, – я полагаю, что буду еще иметь случай дать вам более подробные наставления.

На следующий день я выехал обратно в Петербург, от всего сердца поблагодарив доктора Иоганнеса, который разрешил мне писать ему, если понадобится. Адмирал замолчал и, очевидно утомленный, откинулся на спинку кресла. Минуту спустя он встал.

– Довольно на сегодня, друзья мои. Признаюсь, я устаю и хочу отдохнуть, чтобы собраться с силами перед началом самой тяжелой и печальной страницы моего рассказа – смерти Маруси. Завтра я опишу вам странные и страшные явления, сопровождавшие преждевременную кончину этой невинной жертвы неуволимого и загадочного злодеяния. К тому же теперь около трех часов и всем пора спать; посмотрите, как побледнела Надя.

⁶ Облатка – причастие у католиков.

Молодая девушка протестовала, утверждая, что нисколько не устала и с радостью просидела бы всю ночь, чтобы дослушать конец истории, но Иван Андреевич наотрез отказался продолжать рассказ и все разошлись по своим комнатам.

IV

Когда на следующий день Надя сошла к чаю, адмирала еще не было, а слуга доложил, что Иван Андреевич встал рано, отправился в сторону надгробной часовни и просил не ждать его.

«Ага! – подумала Надя. – Он пошел помолиться на могиле Маруси. Рассказ оживил, должно быть, его воспоминания. Но неужели он остался холостым из любви к ней?»

Она еще обдумывала этот вопрос за чашкой молока, когда принесли почту, а полученное письмо мгновенно дало другое направление ее мыслям, заставив забыть и бедную Марусю, и даже крестного.

Письмо было от ее жениха, Михаила Дмитриевича Масалитинова, который извещал о своем приезде через день и просил прислать за ним экипаж на станцию. Ехал он не один, а с двоюродным братом Жоржем Ведринским, приехавшим в Киев познакомиться с новой родней. Зная неистощимую доброту и гостеприимство Филиппа Николаевича и его супруги, он решил привезти гостя без предварительного разрешения и надеялся, что ему извинят это.

Сияя счастьем, Надя немедленно передала родителям содержание письма и было решено, что Зоя Иосифовна с дочерью отправятся на станцию встречать приезжавших. Вопрос о приеме и устройстве гостей еще обсуждался, когда явился адмирал и узнал новость.

– Теперь ты не уедешь, крестный! Ведь ты *должен* познакомиться с моим женихом, ты его еще не видел, – упрасивала, ласкаясь, Надя.

– Да, да, она права, Иван Андреевич. А я приведу еще один хороший довод, чтоб ты остался, – сказал Замятин, складывая письмо, которое читал. – Катя Тутенберг, или, вернее, m-me Морель, приезжает сюда с Милой, и ты, конечно, не захочешь уехать, не повидав дочки бедной Марии Петровны.

Адмирал вздрогнул, видимо, удивленный, и спросил:

– Они едут сюда? Зачем?

– Затем, что, как пишет мне m-me Морель, Мила желает помолиться на могиле матери и взглянуть на места, где та жила и так трагически погибла.

– Правда, она никогда не была здесь, насколько я знаю, – заметил адмирал. – В сущности, я не знаю ничего ни о ней, ни о Кате. После отъезда Петра Петровича я потерял их из вида. Я ушел тогда в кругосветное плавание, а когда вернулся назад, Петр Петрович уже умер. После этого я долго служил на Дальнем Востоке, но... дочь Вячеслава, или, вернее, Красинского, никогда не внушала мне особенной симпатии.

– Я передам тебе вкратце то, что мне известно о Миле и ее приемной матери, – сказал Замятин. – Ты знаешь, место это стало ненавистным Петру Петровичу после смерти дочери; окончив постройку склепа и часовни, где он приготовил и для себя место, Петр Петрович продал Горки моему двоюродному брату Виктору, от которого я получил имение в наследство. Так как Вячеслав с той поры исчез и все поиски оставались тщетными, то предполагали, что он погиб; ребенок же казался слабым и болезненным, а потому Петр Петрович поселился с ним на юге Франции. Там посетила его Екатерина Александровна, вышедшая замуж за некоего господина Мореля, и очень привязалась к девочке. Через год г. Морель погиб при железнодорожной катастрофе, и Екатерина Александровна поселилась у Петра Петровича, чтобы воспитывать маленькую Людмилу. Когда Петр Петрович умирал, она поклялась посвятить жизнь ребенку и быть ему матерью; очевидно, она сдержала слово, потому что они еще вместе, – закончил Замятин.

– А когда эти дамы приедут? – справилась Зоя Иосифовна. – Признаюсь, после рассказа Иван Андреевича, мне очень интересно увидеть эту Милу.

– Я телеграфирую сегодня, что мы рады их видеть, и, вероятно, надо ждать их дня через четыре или пять, – ответил Замятин.

Замятина с дочерью ушли в дом, чтобы распорядиться необходимыми приготовлениями по случаю приезда гостей, а мужчины остались на террасе, куря сигары и перелистывая газеты.

– Послушай, Филипп Николаевич, по какому случаю ты унаследовал Горки, когда твой кузен Виктор, если не ошибаюсь, имел большую семью? – неожиданно спросил адмирал.

Замятин вздрогнул и нерешительно взглянул на него.

– Правда, у Виктора было четверо детей, но все они умерли.

– А отчего они умерли?

– Старший сын был убит на дуэли соседним помещиком, за женой которого ухаживал; второй ослеп и с отчаяния повесился. Двое младших – мальчик четырнадцати и девочка двенадцати лет, – утонули в озере; по несчастной случайности лодка опрокинулась. Это печальное событие так повлияло на его бедную жену, что у нее сделался апоплексический удар и она умерла в параличе, промучившись два года. Виктор прожил после нее года три и скончался от разрыва сердца. Завещания он не оставил, и имение досталось мне.

– Славное наследство, нечего сказать! – проворчал адмирал, нервным жестом стряхивая пепел с сигары.

Замятин встал и пожал ему руку.

– Я понимаю тебя, Иван Андреевич, и, признаюсь, сам получил отвращение к этому злополучному месту, которое действительно приносит как будто несчастье всем его обитателям. Если бы это зависело от меня, я завтра уехал бы со всеми своими. К сожалению, я связал себя, создав гостей и пригласив жениха Нади; а теперь еще приедет Екатерина Александровна с Милой. Поэтому я не могу стать посмешищем и бежать. Но клянусь тебе, что как только будет возможно, я сокращу пребывание в Горках и никогда больше не вернусь сюда.

– Дай Бог, чтоб это было поскорее, – ответил со вздохом Иван Андреевич.

День прошел в хлопотах, отправке телеграмм и т. д., а после обеда семья снова расположилась на террасе. Надя уселась на складном стуле около крестного и, по общей просьбе, адмирал продолжал рассказ.

– Я остановился, если не ошибаюсь, на том, когда из Лиона ехал в Петербург. Чего бы я не дал тогда, чтобы лететь в Горки и попробовать спасти Марусю, уничтожив мерзавца, разбившего ее жизнь и счастье. Но служба приковывала меня в столице, и я не мог даже мечтать о новом отпуске; а между тем в письмах Петра Петровича, довольно редких, правда, сквозила все возрастающая тревога за дочь. Он сообщил мне, между прочим, о рождении внучки, прибавив, что с тех пор здоровье Маруси пришло в совершенно плачевное состояние, а доктора нашли у нее изнурительное малокровие и опасались истощения сил. Я впал в отчаяние. Имея в руках оружие, которое могло бы, может быть, спасти Марусю, я был скован по рукам и ногам, как каторжник. Наконец в половине сентября счастье мне улыбнулось, если можно так выразиться.

Умерла дальняя родственница, оставившая мне небольшое имение, а устройство дел по наследству доставило мне неожиданную возможность получить двухнедельный отпуск и, понятно, я бросился в Горки. В то время плевать мне было на наследство и на все на свете, кроме спасения Маруси. Я застал Петра Петровича изменившимся, по старевшим и больным. Встретил он меня с распростертыми объятиями и тотчас поведал о своей горе.

– Кто мог предвидеть, что Вячеслав окажется таким неприятным, даже *подозрительным* человеком и сделает свою жену несчастной?

– Почему считаете вы его *подозрительным*? – спросил я, удивляясь. – Неужели, – думал я, – и он открыл роковую тайну?

– Да он уезжает неизвестно куда, пропадает по целым дням, а иногда и неделям, и я не знаю, что этот подлец делает с Марусей, мучает ее, или дурно обращается втихомолку? Она, правда, не жалуется, а между тем безумно его боится; я подметил даже панический страх в ее глазах. Но она никогда не хотела ответить на мои вопросы и упорно утверждает, что вполне счастлива. С рождением ребенка стало еще хуже. Она положительно тает на глазах, а вместе с

тем они точно прикованы к этому проклятому острову, провели там даже всю зиму, и никакие мои убеждения переехать сюда не подействовали. Прежде, бывало, в отсутствие Вячеслава, а то вместе с мужем, она приезжала иногда сюда обедать, или провести со мной вечер; но с рождения Милы она не двигается с острова и мне приходится ездить туда, чтобы видеться с нею, как ни вредны для моей болезни такие разъезды по озеру. Вот уже пять дней я ее не видел из-за моей подагры, и она не приезжала меня проведать; а он, вероятно, опять исчез Бог весть куда.

Я утешил бедного старика, сказав, что немедленно отправлюсь к Марии Петровне, и если мне не удастся уговорить ее приехать повидаться с отцом, то, по крайней мере, привезу известия о ней.

Я взял своего вестового – смелого, хорошего малого, которого привез вместе с большой ньюфаундлендской собакой, купленной зимой; эта не отставала от меня, и вот мы втроем отправились на остров. К удивлению моему, собака, выпрыгнувшая уже на берег, вдруг кинулась обратно в лодку с такой поспешностью, что едва ее не опрокинула. Ни убеждениями, ни угрозами я не мог заставить ее идти со мной на дачу. Итак, я один поднялся на лестницу, направляясь к запертой входной двери, и позвонил.

Женщина, отворившая мне, спросила что мне надо. Это уже была не Груша – веселая, хорошенькая горничная Маруси, – а женщина средних лет, худая, сухая и неприятная на вид, с маленькими, пронизательными, недобрыми глазами. На вопрос мой о господах она ответила, что барин – в городе и возвратится завтра или послезавтра, а барыня на террасе. Туда я и направился, но на пороге террасы остановился, как вкопанный.

В широком кресле, обложенная подушками, сидела Маруся; но это была лишь тень ее. Исхудавшая, с прозрачным и бледным, как восковая маска, лицом, широко раскрытыми глазами и потухшим взором, она казалась умирающей. Но все-таки она была дивно прекрасна, а солнечный луч, пробивавшийся сквозь зелень и игравший на ее белокурых волосах, золотым ореолом окружал ее прозрачное личико. Боже мой, что случилось в один какой-нибудь год с свежим, веселым, счастливым и полным жизни существом, которое я тогда видел!

Заметив меня, она вскрикнула от радости и протянула мне руки, которые я целовал, а потом сел около нее и от души поздравил с рождением дочки. Выражение ужаса и страдания отразилось на ее лице, и она пугливо взглянула на меня.

Видя, что горничная не могла нас подслушать, я нагнулся к ней и прошептал:

– Я понимаю ваш ужас, Мария Петровна. Вы также узнали его... это *чудовище*?

Она выпрямилась, вся дрожа и широко раскрыв глаза. Радость и испуг, видимо, боролись в ней. Вдруг она судорожно схватила мою руку, нагнулась почти к самому моему уху и прошептала порывисто:

– И вы... тоже узнали *его*? Но вы не знаете, какой ужас пережила я. Я чувствую, что умираю... Он сосет мою жизненную силу. Папе я не могу ничего сказать, но я очень счастлива, что вы приехали; вы знаете истину и поймете меня... Пойдите. Я хочу прежде всего вам кое-что передать.

Она встала и, несмотря на видимую слабость, побежала в соседнюю комнату. Я видел, как она открыла небольшую конторку, потом нажала пружину секретного отделения и достала довольно объемистую тетрадь в красной обложке. Чуть не бегом вернулась она обратно на террасу, сунула мне тетрадь и села, успокоившись лишь после того, как я спрятал ее под сюртук.

– В отсутствие этого чудовища я записывала все происшедшее здесь... историю моих мучений. Сомневаюсь, чтобы мне удалось еще что-нибудь писать... Я убеждена, что часы мои сочтены. Только... – голос ее стал едва слышен, – я хотела бы умереть у папы и... – губы ее почти прикоснулись к моему уху, – *причаст*...

Но тут голос ее оборвался. Смертельно бледная, она задрожала, как в лихорадке, с испугом смотря на что-то, бывшее за моей спиной. Я стремительно обернулся и застыл.

На стуле опять сидела кошка, которую я в прошлом году видел околевшей. Взъерошенный хвост извивался точно змея, зеленоватые глаза страшно и злобно глядели на меня, а полуоткрытая пасть скалила острые зубы. Я злился, упрекая себя, что оставил в чемодане лук и магические стрелы; но зато амулет с мощами и освященной *остией* висел на груди, на двойной золотой цепочке. Иоган нес научил меня одной формуле и уверял, что амулет этот в руках верующего является оружием непреодолимым против адской силы. Настал момент испытать могущество талисмана.

Проворно достал я амулет и, подняв вверх, обращая его крестом в сторону бесовской твари, произнес заклинание. Ворчавшая и шипевшая кошка присела уже, чтобы броситься на меня; но тут вдруг она отпрыгнула назад, несколько раз перевернулась и стала корчиться в страшных судорогах, жалобно выть и стонать голосом, удивительно похожим на человеческий. В эту минуту из внутренних комнат на террасу влетела новая горничная. Она была мертвенно бледна и дрожала, а я все еще держал в поднятой руке талисман, и глаза этой женщины впились в него с ужасом. Она позеленела, глухо вскрикнула и грохнулась без чувств на пол. Я растерянно смотрел на нее.

– Душно!.. Воздуху!.. – слышалось за мной.

И этот надорванный, страдальческий возглас сразу вернул меня к действительности. Смертельно бледная, Маруся металась в кресле, сжимая грудь руками, и, казалось, задыхалась.

А меня всецело охватило желание бежать из этого проклятого места и бежать как можно скорее. Я решительно подхватил молодую женщину, весившую не больше ребенка, и, продолжая сжимать в руке медальон, кинулся с террасы к своей лодке. Уложив в нее Марусю, бывшую точно в беспамятстве, мы проворно отчалили.

Мой лихой матрос, перекрестившись, взялся за весла и греб словно на гонке. Мы летели и в десять минут были у лестницы, которую вы отсюда видите. Прежде всего я высадил Марусю, которая хотя и открыла глаза, но была так слаба, что не могла держаться на ногах.

Мы с вестовым перенесли ее сюда, на террасу, куда тотчас же прибежало несколько человек прислуги и приплелся, ковыляя, уже уведомленный Петр Петрович.

Маруся бросилась в объятия отца, и оба плакали от горя и радости.

– Дорогое мое дитя! Никогда больше не пушу я тебя на этот проклятый остров. Мы останемся вместе, и я сам буду ходить за тобой; а как только ты окрепнешь немного, мы уедем за границу, – сквозь слезы сказал Петр Петрович.

Маруся казалась совершенно счастливой, но была так слаба, что походила на умирающую, и ее бывшая кормилица, Анисья, повела ее под руки укладывать в постель. Петр Петрович стоял растерянный. Как только молодая женщина вышла, он схватил мою руку и спросил тревожно:

– Скажите, пожалуйста, что означает такого рода *похищение* или *бегство*? Разве Марусе грозила опасность? Или вы открыли какую-нибудь подлость со стороны этого негодяя Вячеслава?

– Вячеслав пропадает по обыкновению неведомо где; а если бы я вам сказал все, что думаю и предполагаю или *что* мне удалось, кажется, открыть, вы приняли бы меня за умалишенного, – ответил я.

– Впоследствии как-нибудь я объясню вам все, и тогда думайте об этом, что хотите, а теперь предоставьте мне действовать и следуйте моим советам, которые имеют в виду исключительно спасение вашей дочери.

Вероятно, в моем голосе и взгляде было нечто столь важное и серьезное, что он смутился и просил всецело распоряжаться всем. А я прежде всего послал верхового за отцом Тимоном,

чтобы звать его немедленно причастить больную. Едва уехал посланный к отцу Тимону, как Анисья пришла сказать, что больная желает видеть меня с отцом.

Маруся лежала в своей девичьей постели, белая, как ее подушки, но, по-видимому, счастливая и довольная. Она уверила нас, что чувствует себя лучше с тех пор, как находится здесь; при нас она выпила чашку бульона и стаканчик вина, а потом попросила отца послать за священником. Узнав, что это уже сделано, Маруся успокоилась было, но вдруг снова встревожилась.

– Папа, не пускай *его* в мою комнату, если он придет; пусть он хоть даст мне по крайней мере умереть спокойно... И еще одна просьба, – продолжала она, заметно волнуясь. – Если бы ночью я пыталась вернуться на остров, не пускайте меня, *употребите силу*, но не пускайте ни за что на свете... О! Хоть бы священник приехал скорее!..

Петр Петрович обещал исполнить ее желание, и мы вышли. Он был смущен и встревожен, не понимая ничего, но инстинктивно чувствуя между тем, что вокруг него разыгрывается неведомая драма.

К великому нашему огорчению, посланный вернулся с известием, что отец Тимон уехал на требу в дальнюю деревню; но дочь его писала, что как только отец вернется, то немедленно поедет в Горки и, во всяком случае, к двум часам ночи, наверно, будет у нас.

Тяжелое предчувствие сжимало мне сердце. В полном отчаянии пошел я к Анисье, сообщил ей о случившейся задержке и приказал *не спать* до прибытия священника. Кроме того, я приставил к постели больной еще двух здоровых баб, которые могли бы силой удержать ее, если бы та сделала попытку вернуться на остров. Анисья сказала, что Маруся поживает, но тяжелым и, вероятно, тревожным сном, потому что все время стонет. Старуха поклялась мне не спать со своими помощницами и не выпускать молодой женщины из комнаты, если бы даже пришлось в крайнем случае связать ей руки и ноги.

Петр Петрович и я расположились в бывшей маленькой гостиной Марии Петровны, отделенной от спальни только библиотекой, которая служила в то же время мастерской.

До половины двенадцатого мы потихоньку разговаривали, но затем на меня напала невыразимая усталость и непреодолимое желание спать. Петр Петрович тоже признался, что чувствует себя утомленным и что у него голова кружится.

– Я думаю, мы могли бы соснуть часик до приезда отца Тимона. Я позову Савелия и прикажу ему разбудить нас, когда тот придет, или во всяком случае в два часа.

Он позвонил, отдал приказание и потом улегся на диван, а я остался в кресле. Через пять минут мы оба покоились мертвым сном.

Хотя я спал крепко, но сон этот не давал покоя и не укреплял; меня мучил отвратительный кошмар. Я видел, что меня окружила целая стая крыс; с мерзких животных струилась вода, они карабкались на меня, стараясь укусить, и гнались за мной, когда я, дрожа от страха и холода, бежал прочь... Но вдруг я проснулся.

Старый Савелий, мертвенно бледный и дрожавший от страха, изо всех сил тряс меня.

– Слава Богу, что вы хоть наконец проснулись, Иван Андреевич! Барин спит, как убитый; а между тем ведь у нас беда стряслась.

Я вскочил на ноги, и первой моей мыслью было, что Маруся умерла.

– Что? Что случилось? Да говори же! – кричал я. Старый слуга все еще дрожал, как в лихорадке, и не мог произнести от волнения ни слова.

– Мария Петровна... утопились! – с усилием наконец проговорил он упавшим голосом.

Меня точно обухом по голове ударило, и я зашатался, с глубокой скорбью глядя на несчастного отца, покоившегося мирным сном. Конечно, я не стал будить его: успеет еще узнать о своем горе. Прежде надо было узнать, что случилось и нельзя ли еще спасти несчастную.

– Где Анисья? – спросил я, выбегая из комнаты.

– На берегу, – ответил Савелий, ковыляя за мной и стараясь не отставать, насколько позволяли ему старые ноги.

Весь дом уже поднялся. Подходя к террасе, я слышал доносившийся смутный гул голосов и крики. Люди бегали растерянные, а по озеру разъезжали две лодки: в одной сидел мой вестовой с садовником, – молодым и сильным малым, а в другой – двое слуг. Они освещали факелами воду, шупали баграми дно и осматривали берег. Внизу лестницы стояла Анисья с непокрытой головой и растрепанная. В отчаянии она рвала на себе волосы; лицо у нее было землисто-бледного цвета, а глаза дико блуждали, как у безумной.

– Анисья! – крикнул я, с силой трясая ее руку. – Как случилось это несчастье? Уснула ты что ли?

– Ой, батюшка, нет... нет! Не спала я... И в толк не возьму, что с ней сделалось, – с рыданьем кричала преданная Анисья.

Не без труда удалось мне успокоить ее, и вот что она мне рассказала. Маруся спала; пробила полночь, и она проснулась, а потом поспешно села на постели и широко открытыми от ужаса глазами пристально смотрела на что-то невидимое. Вдруг она начала отбиваться и кричать: «Оставь меня! Поди прочь! Я не пойду, я не хочу!»

– Я думала, бредит она, – продолжала Анисья, с плачем, – и обняла ее, стараясь успокоить. А она как закричит, да в сторону метнулась, и рукой за плечо схватилась, будто кто больно ударил ее. Потом залилась она слезами и хотела сойти с постели. Я вцепилась в нее изо всех сил и стала кликать Груню с Федосьей, а те обе лежат, как колоды, и храпят себе вовсю; Мария же Петровна отбивается меж тем ровно бешеная. Николи не поверила бы я, что у такой хрупкой да худенькой, как она, силища явится, что у доброго мужика. Толкнула это она меня так, что я наземь повалилась, а сама, как была в одной сорочке и босая, ровно ветер буйный мимо меня пронеслась. Вскочила я, да за ней следом, и ну кричать; а догнать уж не могла. Так вихрем пролетела она по коридору и прямо на террасу. Одначе крик мой услышали. Прибежал Савелий и хотел было схватить ее, да она и его в грудь кулаком ударила так, что он к стене отлетел; опосля прибежал дворецкий Дементий и со всех концов стали сбегаться люди, которые не спали, ожидая отца Тимона. Светло ведь теперь, потому – луна, и видим мы, как Марусенька с лестницы сбежала, а потом одним прыжком, да в воду. Только и видела я, как взмахнула она ручками в воздухе, а затем, словно камень, ко дну пошла. Недалеко и тело быть должно, где-нибудь у лестницы; а между тем, все обшарили баграми и крюками, а не сыскали, – заливаясь слезами, закончила кормилица.

Теперь я был почти уверен, что несчастную женщину живой не найдут. Неведомая, страшная и таинственная сила, разбившая ее судьбу, уничтожила также и жизнь этого молодого существа, рожденного, казалось, для счастья. В мрачном отчаянии смотрел я на озеро, ожидая каждую минуту увидеть на конце багра безжизненное тело горемычной Маруси; но все поиски были тщетны, и озеро точно поглотило тело.

Давно уже приехал отец Тимон, а Петр Петрович, пробужденный шумом в доме и узнавший о происшедшем, плакал, как ребенок; между тем лодки все еще шныряли по гладкой поверхности озера, продолжая поиски.

Наступил день, а с ним исчезла последняя надежда спасти молодую женщину; более пяти часов пробыла она под водою. Но мы хотели найти во что бы то ни стало ее труп, чтобы похоронить, по крайней мере. Отец Тимон не покидал нас и старался утешить бедного Петра Петровича, твердившего одно, что хочет увидеть дочь, хотя бы мертвую.

Добрый священник глубоко ему сочувствовал и, видя отчаяние несчастного отца, заметил после некоторого размышления:

– В народе существует поверье, что если утопленника не отыщут, то надо взять ящик или глиняный горшок, положить в него икону, вставить освященную зажженную свечу и пустить на воду. И будто бы свеча остановится безошибочно над тем местом, где находится тело.

– Ах, это правда! Спасибо, батюшка, что напомнили, – обрадовался Савелий. – Сейчас же и сделаем.

– Я дам свечу из Иерусалима от гроба Господня, – прибавила Анисья.

– А пока вы будете продолжать поиски, – сказал отец Тимон, – я пойду в комнату Марии Петровны и отслужу по ней панихиду.

По окончании службы я уговорил Петра Петровича прилечь, обещав известить, когда будет найдено тело. Он согласился, потому что действительно дошел до полного истощения сил, и отец Тимон обещал мне не покидать его. Я же вернулся на озеро, где еще толпились люди; на этот раз я тоже хотел принять участие в поисках.

В ту минуту как я подошел к берегу, мой вестовой с тревожным видом доложил мне, что свеча долго носилась по воде, а потом ее отнесло течением на середину озера, где она оставилась неподалеку от острова и стоит неподвижно минут десять. В момент моего прихода он с дворовыми собирался сесть в лодку, и я сказал, что еду с ними. Мы сели втроем в большую лодку и направились прямо к тому месту, где огонек свечи блестел, как звездочка. Молча закинули мы багры, и не прошло минуты, как Никифор, мой вестовой, сказал:

– Зацепил что-то тяжелое. Гляди, осторожней теперь, как бы шлюпку не опрокинуть.

Прижав руки к груди на том месте, где находился медальон, я стал горячо молиться, не спуская глаз с воды, откуда медленно поднималась тяжелая масса. Один из людей бросился даже в воду поддержать тело, опасаясь, чтобы оно не ушло снова на дно. Наконец, на уровне воды показалась белокурая головка Маруси и скоро она лежала уже на дне лодки, а я прикрыл ее шалью. Сердце мое сжималось при виде ее мертвого личика и слезы лились ручьем. Выйдя из лодки, мы положили тело на матрац и внесли в комнату Маруси, а я затем пошел к Петру Петровичу и застал его в полном отчаянии.

Не буду говорить о раздиравшей душу сцене, разыгравшейся у трупа. И священник, и я думали, что несчастный Хонин лишится рассудка; наконец, его унесли в обмороке.

Когда мы привели его в чувство, он со слезами просил меня распорядиться погребением. Исполнив необходимое, я отправил посланного в город и пошел наконец в свою комнату, чтобы немного отдохнуть.

Я был разбит душевно и телесно, лег на диван и закрыл глаза. Вдруг с шумом отворившаяся дверь и резкий голос разбудили меня.

– Барин!. Барин!.. Иван Андреевич! Мертвенно-бледная и с блуждавшими глазами Анисья рассказала, что должно быть дьявол повинен в смерти Марии Петровны, потому что когда стали обмывать тело, то нашли ясно видимый отпечаток рук с когтями, от которых остались даже кровоподтеки.

– Ровно кто ее тянул... Пожалуйста, барин, я покажу вам этот знак. Никого нет, Груша и Федосья убежали и не хотят обмывать покойницу, боятся, – закончила старуха, вытирая глаза.

Машинально последовал я за ней и когда она приподняла край покрывавшей тело простыни, я своими глазами увидел у локтя черноватый отпечаток руки, ногти которой глубоко вошли в тело и оставили на коже кровавые знаки.

– На другой стороне такой же знак, – сказала старуха.

– Горемычная ты моя, Мария Петровна! Никто не хочет даже помочь одеть тебя; обе негодные девки сбежали. Ну, да справлюсь и одна. Голубушка моя, она даже потеряла крест, но я надену ей материнский, который мне подарил барин.

Я перекрестился, помолился над усопшей и ушел к себе, сильно взволнованный и вновь мучимый страхом и предчувствием новой беды.

Прежде всего я поднял шторы и открыл окна; мне хотелось света, а темнота пугала меня.

В возбужденном состоянии ходил я взад и вперед, и в первый раз горевал о своем невежестве в законах оккультного мира. Люди только глумятся обыкновенно над «сверхъестественным»; смеются с высоты своего мнимого умственного величия над деревенским знахарем,

который умеет «отнять» у коровы молоко, наводить «порчу», гадать или фабриковать любовные зелья. Нас учат «наукам» и множеству вещей, без которых легко можно обойтись, и оставляют в полном неведении относительно *невидимого* мира и окружающих нас злополучных, таинственных сил, против которых можно было бы обороняться, если бы мы знали их и понимали их проявление. А вместо того, нас отдают во власть невидимых врагов слепыми, невежественными и беспомощными, уча даже *не верить* в них и делая нас тем самым вдвойне беззащитными.

Все эти мысли толпились в моей голове, порождая негодование и сожаление. Сам я не мог более сомневаться в силах ада и подавляющие доказательства убеждали меня в его могуществе, а потому надо было ожидать, что подлый колдун, жестоко разбивший жизнь молодого, невинного существа, произведет еще новое покушение на ее прах. Я перечитал уже достаточно книг по оккультизму и знал, что труп представлял драгоценную добычу для «черного мага», и смерть Вячеслава подтвердила это.

А что Маруся также пала жертвой оккультного убийства, – тоже не представляло и тени сомнения. Но как ограбить мертвую от какого-нибудь покушения злодея?

В моем глупом неведении я не мог даже себе представить, какого рода покушение было возможно. Может быть, новый «аватар», а может быть, какое-нибудь иное мерзкое кощунство? И я принужден был допустить это, потому что не знал, как предупредить и помешать ему. Ах! Если бы Иоганнес был здесь! Он научил бы меня и помог; но он далеко, и нет никого, кто посоветовал бы мне.

В отчаянии и усталый от всех этих волнений, я бросился в кресло; думать я не мог более, все кружилось в моем мозгу. Приход моего вестового несколько рассеял меня. Он принес письмо и объемистый пакет.

– Письмо и пакет заказные из Лиона, – доложил он.

– Из Лиона?

Я вскочил, письмо могло быть только от Иоганнеса. О, если бы он знал мои мучения!

Я поспешно вскрыл конверт. Письмо было на самом деле от Иоганнеса и, пока я пробегал первые строки, меня охватила суеверная дрожь.

«Молодой друг мой! – писал доктор. – Если предвидение меня не обманывает, то письмо это придет в такую минуту, когда вам очень понадобятся помощь и совет. Готовится большое дьявольское злодеяние, и, может быть, оно будет уже совершено, когда до вас дойдет моя посылка; последнее возможно. Потому посылаю вам свои советы, как помешать Красинскому проделать какую-нибудь новую мерзость относительно его несчастной жены. А что он будет пытаться, это несомненно. В пакете вы найдете все необходимые вам вещи и также пергамент, где записаны магические формулы, которые вам следует знать и потому выучить наизусть. Прежде всего возьмите полотняную простыню, которую я посылаю, и прикажите обернуть ею тело умершей под платьем. На шею наденьте эмалированный крест на красной цепочке, а под голову положите металлическую пластинку и в гроб насыпьте ладана; когда же тело будет выставлено, очертите катафалк красным мелом. Надеюсь, что этих предосторожностей будет достаточно, чтобы оградить усопшую от демонских нападений. В третью ночь, накануне погребенья, надо принять особенные предосторожности. Наблюдайте, чтобы весь день горели лампы и свечи, окропите комнату крещенской водой, а перед полуночью спрячьтесь сами за изголовьем гроба. Вы должны иметь наготове лук и стрелы, данные мною вам. В полночь *он* придет. Как только часы начнут бить, произносите формулы. Он не заметит вас, и когда будет около красного круга, вы пустите стрелу».

Далее следовали некоторые менее важные указания и, под конец, добрые пожелания успеха.

Счастливый и признательный, сложил я письмо. С сердца моего свалился точно тяжелый камень: я был предупрежден, научен и вооружен. С почтительным любопытством я открыл

пакет и осмотрел находившиеся в нем предметы. Простыня была тонкая, как батист, и покрыта разноцветными кабалистическими знаками, а посередине находился большой красный крест. Распятие было старинное, драгоценной работы, и главу Христа окружали лучи, а висело оно на тонкой золотой цепочке с красной эмалью. Металлическая же пластинка была яйцевидной формы и на поверхности ее были выгравированы две переплетающиеся пентаграммы в виде звезды, окруженные кабалистическими знаками.

Вы поймете, что я в точности исполнил предписания доктора Иоганнеса. Слабость Петра Петровича не позволяла ему часто находиться около умершей и самому наблюдать за приготовлениями, а это облегчало мне дело, тем более, что мнимый Вячеслав не появлялся.

По моему приказанию Анисья завернула тело в магическую простыню; я сам надел цепочку на шею покойной Маруси и скрыл крест в складках платья, а пластинку сунул под голову. Бедная покойница стала снова прекрасной, а выражение страдания и ужаса, застывшее на ее лице с тех пор как ее вынули из воды, сменилось выражением покоя. Гроб утопал в цветах и окружен был редкими растениями и кадками с цветущими померанцевыми деревьями.

В течение дня, предшествовавшего страшной ночи, которой во всю жизнь не забуду, я старался спать, чтобы запастись силами, но вместе с тем и твердил формулы. Я хотел быть уверенным, что не ошибусь, произнося их, когда понадобится. С приближением же ночи смелость моя начала таять и невыразимый ужас охватывал меня; но решимость все-таки не ослабевала. Меня поддерживала жажда мести и страстное желание уничтожить чудовище.

После вечерней панихиды я увел отца Тимона в свою комнату, рассказал ему все и умолял его бодрствовать вместе со мной, но он наотрез отказался.

– Бросьте, Иван Андреевич, не связывайтесь с «нечистым», – сказал он с видимым опасением. – Помоли-73 тесь усердно, да и оставим все на волю Господню. Ничего больше сделать мы не можем и не должны.

– Нет, – ответил я решительно. – Любя Марусю, я докажу ей свою любовь, охраню и огражу ее прах от убившего ее чудовища.

Если бы мы действительно *умели* молиться с той силой, которая побеждает демонов, – другое дело; но молиться *так* мы не можем. Будь какой-нибудь схимник, угодник Божий, например преподобный Серафим Саровский, или отец Иоанн, я упробил бы их прибыть сюда; а в данном случае оставалось следовать предписаниям доктора Иоганнеса.

Таким образом, я подготовил все: возобновил мелом круг у катафалка, взял лук со стрелами и спрятался у изголовья гроба в густой зелени, между кадками с растениями. Меня утешало и поддерживало сознание, что все-таки я был не один, так как читальщик читал псалтырь.

Никогда еще время не тянулось так мучительно долго, а тоска моя росла с каждой минутой, которую отмечали висевшие против меня часы. Минут за десять до полуночи я с ужасом заметил, что голос читальщика становился все невнятнее, нередко прерывался и наконец совсем замолк, а затем слабый храп возвестил мне, что он уснул. Неиспытанный до той поры ужас обуял меня; волосы мои вставали, казалось, дыбом, потому что вокруг меня происходило нечто страшное.

Стены трещали и по комнате проносились порывы ледяного ветра, которые качали деревья. Большой олеандр около меня трещал, словно горел, и в эту минуту часы начали бить двенадцать.

Нечеловеческим усилием воли поборол я страх и начал произносить формулы. Через минуту дверь отворилась, в залу вошел мнимый Вячеслав и, как тень, шмыгнул к гробу. Он был мертвенно бледен и впалые глаза фосфорически блестели; а так как в то время он не боялся обнаружить себя, то сходство с Красинским, несмотря на обличье Вячеслава, бросалось в глаза. За ним плелась с взъерошенным хвостом и глухо рыча мерзкая кошка. Они быстро приближались, но вдруг Красинский остановился и затрясся, а кошка жалобно замыкала... они наткнулись на магический круг.

Страшное бешенство обуяло сатаниста. Он дрожал, глаза метали словно искры, а на устах показалась кровавая пена. Произнося заклинания, он схватил отбивавшуюся кошку за шею и хотел бросить в круг, махая жезлом в другой руке и чертя им кабалистические знаки; кольцо на его пальце сверкало, и из камня лились словно снопы зеленоватых лучей. Однако попытка войти в круг ему не удалась; с пеной у рта он отступил и приподнял корчившуюся в его руке кошку. Но в это мгновение я кончил произносить формулы, натянул лук и выстрелил. Стрела была спущена и пронизала воздух точно красная молния; в ту же минуту послышался раздражающий, но вполне человеческий крик.

Я видел, как Красинский зашатался; между тем стрела поразила не его, а кошку, которую он поднял именно для того, чтобы бросить, и теперь она грохнулась на пол. Мне следовало бы выстрелить вторично; но силы мои истощились, вероятно, или какая-нибудь уловка колдуна воздействовала на такого неопытного ученика, каким я был в то время. Голова моя внезапно закружилась, я почувствовал острую боль в голове и лишился сознания...

Очнулся я только уже недели через три. Нервная горячка держала меня на волоске от смерти. От отца Тимона я узнал, что произошло после моего обморока.

Он стоял на молитве в одной из соседних комнат, когда услышал сильный грохот. Опасаясь, не случилось ли со мной несчастья, он вооружился смелостью, перекрестился и с крестом в руке бросился в залу. Она была пуста и тонула в полутьме, потому что горели лишь три свечи у катафалка, огражденные магическим кругом. Священник знал, что я намеревался спрятаться между кустами у изголовья гроба и направился прямо туда. Он нашел меня замертво распростертым с лежавшими возле луком и стрелами. Он взял эти вещи, спрятал и затем вернул мне лишь по моем выздоровлении.

На его зов прибежала прислуга, которая подняла меня и осветила комнату. Тогда перепуганные люди с ужасом увидели лежавший около круга труп трехлетнего ребенка, а неподалеку от него разлагавшуюся, вонючую падаль огромной черной кошки. Никто раньше не видел этого ребенка; не было возможности доказать, откуда он взялся и отчего умер. На трупе не было никакой раны и только на месте сердца чернело небольшое пятно. Пришлось ограничиться тем, что похоронить неизвестного малютку.

Я поправлялся медленно, но Горки внушили мне такой ужас, что при первой возможности я уехал в Петербург и выхлопотал разрешение вернуться на судно; мне необходим был свежий воздух и новые места, чтобы опомниться от такого страшного потрясения...

Адмирал закрыл тетрадь и встал.

– Покойной ночи, друзья мои; всем пора спать. Вижу, что рассказ мой взволновал вас. Признаюсь, и я хочу побыть один, пережив снова в душе все это печальное прошлое.

Действительно, слушатели находились словно под давлением кошмара; никто не возражал адмиралу, и все молча разошлись по своим комнатам.

V

Адмирал занимал не ту комнату, где жила во время описанных им трагических происшествий; ему отвели помещение внизу, состоявшее из спальни и гостиной с окнами в сад.

Утром вставший очень рано Иван Андреевич только что вернулся с прогулки и, сидя у открытого окна, читал и курил, как вдруг услышал из сада звавший его голос.

– Это ты, Надюша, и так рано встала? Но что с тобою, крошка? Как ты бледна. Не больна ли?

– Нет, крестный, но я много думала о том, что ты вчера рассказывал нам, и долго не могла уснуть, а потом видела такой дурной сон, что и теперь даже дрожу при одном воспоминании.

– Ты должна описать мне его!

– И ты скажешь мне откровенно, что думаешь о нем, не правда ли? А могу я прийти к тебе поговорить немного? Раньше часа мы не сядем завтракать.

– Конечно, приходи.

Через несколько минут Надя уселась в кресле против крестного, но вместо того, чтобы рассказывать свой сон, принялась с любопытством расспрашивать его о различных эпизодах его рассказа, бывших для нее не совсем ясными. Ей хотелось знать, сохранились ли еще у адмирала медальон и стрелы, данные Иоганнесом; кроме того, она живо интересовалась неизвестным ребенком и, наконец спросила:

– Разве ничего решительно не известно о Вячеславе, или, вернее, об *аватаре* Красинского? Умер он, или, может быть, его убила рикошетом твоя магическая стрела?

– Ничего не могу сказать тебе по этому поводу. Во всяком случае, уже более двух десятков лет он не показывался и тело его тоже нигде не было найдено. Возможно, что он и живет где-нибудь, потому что подобные ларвические существа могут жить долго и путем преступлений поддерживать это свое мерзкое, воровское существование.

– В таком случае, если он и живет где-нибудь, то, конечно, не в здешних местах, так как мне говорили, что дом простоял закрытым более двадцати лет, еще по распоряжению покойного Петра Петровича, и дядя Виктор не хотел никогда ни отворять, ни даже посещать его.

В эту минуту послышалось хлопанье крыльев, и на подоконник сел ворон, зорко глядя на разговаривавших. Надя вскочила, испугавшись в первую минуту, но, будучи смелой и храброй, тотчас подняла зонтик, прогоняя птицу; однако та не шевельнулась, похлопала крыльями и три раза каркнула. Иван Андреевич побледнел и встал, нахмутив брови; он поднял руку с угрожающим жестом и прошептал несколько непонятных слов. В ту же минуту ворон взлетел, пронзительно прокричав: «Ха! ха! ха!» – и исчез, как показалось Наде, в густой листве росшего перед окном дуба.

– Должно быть, его приручил какой-нибудь деревенский мальчишка, – заметила Надя. – А все-таки пойдем, крестный, в сад; эта противная птица неприятно подействовала на меня и мне жутко оставаться в комнате.

Адмирал своего мнения не высказал, а молча взял шляпу и пошел в сад за крестницей.

Стояло восхитительное утро, небо было безоблачно, а воздух тепел и ароматен. Чудная погода манила на прогулку, почему Надя, к которой вернулось хорошее расположение духа, повела крестного в свой любимый уголок сада, – на площадку, посредине которой вековой дуб широко раскинул свои могучие ветви и густую листву. В тени этого великана стояли изящные бронзовые стулья и стол; от раскинутых возле цветников, засаженных гелиотропами, резедой, нарциссами и розами, несся дивный аромат.

– Не правда ли, здесь хорошо? Солнце не беспокоит и со всех сторон мы окружены цветами и приятным запахом, – сказала Надя, усаживая крестного отца на диван.

В эту минуту она увидела мальчика-садовника, несшего несколько корзин со свежесобранной земляникой; она побежала за ним, взяла одну корзину и вернулась к адмиралу.

– Кушай, крестный. Говорят, что натошак земляника особенно здорова, а я в это время расскажу свой удивительный сон. Но теперь, днем, он не кажется страшным и, вероятно, приснился мне после твоего ужасного рассказа.

Иван Андреевич улыбнулся, принялся за ягоды и сказал, что ждет рассказа сновидения. Надя на минуту задумалась, а потом облокотилась на стол и начала:

– Я уже говорила тебе, что долго не могла вчера уснуть; меня мучила тревога и смутная тоска. Наконец я уснула и вижу, что все мы, т. е. папа, мама, мы, трое детей, и Михаил Дмитриевич, сидим на террасе, выходящей на озеро, вокруг роскошно сервированного стола. Тебя, крестный не было, но мы все были веселы. Меня радовала окружающая нас роскошь и стоявшие на столе мои любимые блюда. Вдруг я заметила, что на голубом небе появилось густое черное облако, которое мгновенно заволокло весь горизонт и стало совсем темно; тучи почернели, а затем разразилась страшная гроза. Яркие молнии бороздили небо; раскаты грома без перерыва раздавались один за другим, а на острове был точно пожар, кровавым заревом освещавший воду. Я перепугалась и крикнула:

– Идемте в дом... да ступайте же! Что вы сидите, точно пни.

– Я хотела бежать к двери, но в это мгновение раздался страшный удар грома и такой грохот, словно весь мир рушился, а я потеряла сознание. Странно, не правда ли, ощущать что-нибудь подобное во сне? Между тем я отлично помню, как упала в обморок и затем очнулась... Кругом было тихо, и все заливал белесоватый полусвет; но когда я огляделась, безумный страх овладел мною. Насколько хватало глаз, всюду виднелось разрушение. Сад был разорен, деревья вырваны с корнем, и дом представлял одни развалины. Страннее же всего то, что дом наш в Киеве и здешний точно слились воедино и рушились вместе, так как среди груды мусора я видела кариатиды с фронтона киевского дома. Но во сне это обстоятельство несколько не удивило меня, а я думала лишь об одном – разыскать своих, которых нигде не видела, и в отчаянии силилась разрывать мусор.

Вдруг я нашла папу, но мертвого и в крови. Я кричала и старалась оживить его; но тут из-под развалин стали выползать мама, бледная и худая, вся в черном, а за нею и брат с сестрой. Дети цеплялись за меня; пока я старалась утешить маму и малышей, все быстро изменилось вокруг. Мы очутились на узкой, извилистой дороге, изрытой глубокими ямами и усеянной камнями, а вдали виднелся густой темный лес. Мне сделалось панически страшно, и я стала звать своего жениха; но он не при ходил, а я все звала и плакала.

Вдруг я увидела, что параллельно с нашей, скверной дорогой пролегла другая – широкая и торная, отделенная от нас глубоким рвом, а по этой дороге ехал Михаил Дмитриевич, верхом, с амазонкой, которую я не могла рассмотреть. Они ехали рысцей, и Мишель повернул голову в мою сторону, но взгляд его скользнул по мне с ледяным равнодушием; отвернувшись затем, он стал весело болтать и смеяться со своей спутницей, и наконец оба скрылись за поворотом дороги. Должна заметить, крестный, что в эту минуту в душе моей проснулось жестокое, злое и враждебное чувство, какого в действительности я никогда не испытывала. Своим же я сказала: «Ждите меня здесь; я схожу поискать вам чего-нибудь», и углубилась в лес. Шла я по узкой, поросшей колючим кустарником тропинке, а над моей головой развесистые деревья сплелись ветвями, образовав зеленый свод, и внизу царил полумрак. Вдруг, точно из земли, вырос передо мной черный человек, державший в руке мешок с золотом.

– Возьми, – сказал он.

Я с жадностью схватила мешок и побежала к своим. Не знаю, что случилось с корзиной, но помню, что я очутилась снова в лесу и тот же черный человек дал мне еще полный золота мешок, да такой тяжелый, что я едва могла тащить его. А черный человек все шел за мной и нашептывал на ухо, что даст мне впредь много, много хорошего, но для этого я должна остаться

с ним, быть его женой и, при этом, грубо схватил меня за руку. Мне стало страшно, и я хотела бежать, а он держал меня, точно клещами, и я видела, что он тащил меня к мрачной, казавшейся бездонной, пропасти... Сначала я дрожала от страха; но по мере того, как мы приближались к бездне, чувство это ослабевало. На меня напали слабость и апатия, и я не выказала ни малейшего сопротивления, когда он приподнял меня и кинул в пропасть. Упала я в бесплодную долину, усеянную огромными каменными глыбами и опоясанную остроконечными скалами; выхода не видно было нигде.

Я была точно разбитая; но, несмотря на это, почему, я не знаю, была довольна и думала только, как бы мне отомстить, но *кому* – не помню. А воздух мало-помалу сгущался до того, что я дышала с трудом, и меня охватило такое жгучее желание бежать из этого места, что я кидалась во все стороны, ища выхода, и нигде не находила его. Во время этого безумного метанья я вдруг очутилась у гранитной глыбы больше других, а посередине этой скалы находилось высеченное и никем не занятое сиденье.

Пока я с любопытством разглядывала это подобие трона, скала с шумом раскрылась, из земли мелькнули огненные языки и, окруженная этим огненным ореолом, показалась огромная мужская фигура с изогнутыми рогами и зубчатыми крыльями. Он был прекрасен, но красота его веяла чем-то зловещим; от его пристального взгляда и резкого голоса я вздрогнула.

– Не борись, строптивая, борьба твоя напрасна; ты – наша и останешься нашей. Кто раз вошел сюда, уж никогда не выйдет обратно. Живее! Слуги! Сковать ее!

В эту минуту, не знаю откуда, появились черные и отвратительные, с лицами животных чудовища, которые схватили меня и цепями прикрутили к каменному стулу, на котором теперь сидел и насмешливо смотрел на меня человек с изогнутыми рогами и зубчатыми крыльями. Я испытывала страшный ужас, вскрикнула и проснулась вся в поту; сердце сильно билось и заснуть больше я не могла.

– Неправда ли, крестный, это очень глупый сон? – неуверенным тоном спросила Надя, испытующе смотря на адмирала. В первую минуту по пробуждении мне было страшно этого сна, а потом я сказала себе, что, вероятно, «чертовщина», о которой мы говорили целые три дня, подействовала на мое воображение и вызвала такой отвратительный кошмар.

– От всей души желаю, милое дитя, чтобы твое странное сновидение оказалось только кошмаром, а не предвестником какой-нибудь грозящей тебе беды, – ответил внимательно слушавший адмирал.

– Но какая же опасность могла бы угрожать мне, и что я могу сделать, чтобы предотвратить ее, если она действительно надвигается? – возразила Надя тревожно, но недоверчиво.

– Жизнь и судьба человека крайне не прочны, и подчинены стольким превратностям, что очень трудно предвидеть, с какой стороны может явиться угрожающая ему опасность, – серьезно ответил адмирал. – А против ударов судьбы и злых сил мы имеем одно оружие – молитву. Видишь ли, Надя, молитва является напряжением воли, порывом души к источнику добра, к Богу и Его светлым служителям. Порыв этот, подкрепленный *верой* служит нам поддержкой в испытаниях и щитом против нападения злых духов. Мы живем в очень тяжелое время, когда злые силы поглощают тысячи душ, вера колеблется и всюду развивается атеизм, а страшные психические эпидемии свирепствуют с возрастающей силой. Самоубийства, помешательства, слабоумие производят ужасные опустошения, не считая к тому еще одержимости, которую не желает признавать присяжная *наука*; а между тем этот факт остается фактом, как бы его не отрицали. Против этого церковь и особо избранные люди, именуемые *святыми*, с незапамятных времен победоносно боролись. Надя слушала, задумчивая и озабоченная.

– Конечно, я буду молиться, крестный, и не могу сомневаться в том, что ты сам видел или испытал, но как согласовать мне все это, когда я буду замужем? Михаил Дмитриевич ни во что не верит и будет безжалостно глумиться надо мною, если почует, что я верю в «одержимых», «демонов», «колдовство» и т. д. Я даже боюсь думать об этом!..

– Что делать, дитя мое! Принудить его верить мы не можем, но и он не может отнять у тебя твои убеждения. Как знать, может быть, будущее на нем самом докажет ему, что существует многое, чего даже не подозревает его «просвещенная мудрость», а для убеждения людей нет ничего лучше собственного опыта.

Приближалось уже время завтракать, и они медленным шагом направились к дому.

– Кстати, какого это молодого человека везет с собой твой жених? – неожиданно спросил адмирал.

– Его двоюродный брат, Жорж Ведринский. Это богатый молодой человек, он нигде не служит и, ради удовольствия, изучает археологию. Я знаю его мало, потому что он больше живет за границей вообще. Ведринский очень мил и любезен, но такой же закоренелый неверующий, как и Михаил Дмитриевич.

Они подходили к террасе, и Надя побежала вперед, увидев мать, хлопотавшую у стола с завтраком. Иван Андреевич проводил ее грустным, задумчивым взглядом.

«Бедное дитя! Да хранит тебя Бог от дьявольских козней; твой сон предвещает дурное. Не на радость злополучный случай привел тебя в это проклятое место», – думал он.

Когда встали из-за стола, Надя предложила адмиралу сходить с ней на могилу Маруси и помолиться за невинную жертву прихотливой необыкновенной судьбы. Иван Андреевич, конечно, согласился, и они направились по тенистым аллеям к надгробной часовне, воздвигнутой на окраине парка на искусственном пригорке.

Неподалеку от дома им пришлось проходить мимо живописных развалин, поросших мхом и ползучими растениями.

– Папа намерен снести все это, а мне жаль их. Посмотри, какой таинственностью веет от этой залы с большим стрельчатым окном в глубине; ни дать ни взять развалины феодального замка. Сохранилась еще даже часть плит и небольшая дверца в стене, выходившая на лестницу. Жаль, нельзя узнать, куда она вела, так как остальная часть здания обвалилась. Бог весть, что это было.

– Да, это интересный остаток прошлого, – ответил адмирал. – Если не ошибаюсь, это развалины странноприимного дома, принадлежавшего католическому монастырю на островке.

– Как! На островке был монастырь? Но что же с ним случилось? От него не видно ничего! – возразила заинтересованная Надя.

– В лесу, покрывающем остров, как раз против вашей террасы, сохранились еще остатки старого Бенедиктинского аббатства, занимавшего прежде всю площадь острова во времена польского владычества и помещавшего своих посетителей в доме, развалины коего мы сейчас видели. Я осматривал их как-то с Марусей. Были видны остатки церкви и некоторые следы монастырского кладбища с очень древними надгробными памятниками. Впрочем, если это тебя интересует, спроси отца Тимона; он любит разбирать старину, собрал замечательную коллекцию разных вещей и может рассказать тебе подробно о монастыре, его обиходе и разрушении.

– О! В первый же раз, как увижу его, непременно расспрошу, а потом схожу осмотреть развалины. Вообще ведь церковь и монастырь – это места благочестивой молитвы; туда не может проникнуть никакой демон и принести несчастье, – убежденно сказала Надя.

Грустная, загадочная улыбка скользнула по губам адмирала, но он ничего не сказал, тем более, что они подошли уже к часовне.

Это было небольшое строение из белого мрамора, с голубым куполом и золотым крестом наверху. Входная дверь была из массивного резного дуба. Внутри, перед большим образом Воскресения Христова, стоял аналой, и мягкий свет лился сквозь три узкие окна с синими стеклами. У одной из стен была дверь, выходившая на витую лестницу, которая вела в склеп, освещенный в эту минуту висевшей на потолке лампадой. Посредине склепа виднелись две гробницы: большая черного мрамора плита с именем Петра Петровича и саркофаг белого мрамора.

мора, работы итальянского художника. Этот саркофаг, – копия с древних саркофагов первых времен христианства, – представлен был открытым и там, словно на подушках, покоилась восхитительной красоты молодая женщина; руки ее были скрещены на груди, а в изго ловье стоял в натуральную величину ангел, который склонился и держал над спавшей крест, точно благословляя ее или защищая от всякого невидимого врага. В данное время саркофаг был украшен свежими цветами; розы грудями покрывали его, и белая лилия была воткнута между каменными пальцами.

– Как она была прекрасна и молода, а погибла так печально, – в волнении проговорила Надя.

– Это, чтобы сделать мне приятное, ты украсила так могилу Маруси? – спросил тронутый адмирал.

– Да, крестный. Видишь, там, деревья в цвету; так я приказала садовнику менять цветы каждые два три дня, пока мы здесь; а я ежедневно прихожу сюда молиться за бедную покойницу.

Иван Андреевич молча поцеловал Надю. Потом они помолились и вышли из часовни.

На другой день, утром, сиявшая счастьем Надя, очаровательная в розовом платье и шляпке, отправилась с матерью встречать жениха. Филипп Николаевич и адмирал, с сигарами и газетами, устроились на балконе, откуда по длинной липовой аллее видно было приезжающих.

– Мне очень интересно узнать твое, Иван Андреевич, мнение о Михаиле Дмитриевиче. Не знаю, почему, но я не могу искренно полюбить его.

– Что же тебе не нравится в нем? И почему в таком случае допускаешь ты этот брак? – спросил адмирал.

– Надя безумно любит его и, в сущности, я ни в чем предосудительном не могу обвинить его. Правда, он средствами большими не располагает, но ты понимаешь, это – не помеха, так как Надя богата за двоих. Человек он корректный, очень красив и, кажется, серьезно любит мою девочку; а между тем в нем есть и неприятное. Во взгляде его таится нечто высокомерное и холодное; он, должно быть, эгоист, а возможно даже, что и кутила, хотя искусно скрывает это. Затем мнимое «свободомыслие», или безверие, которым он щеголяет, указывают на узкий ум и тоже мне не нравятся. Но в глазах влюбленной девушки все это не важные причины; он достаточно красив, чтобы пленить женское сердце, это бесспорно. А кто мне действительно нравится и кого я желал бы иметь зятем, – так это его двоюродного брата, Жоржа Ведринского. Какой это славный молодой человек, умный, прямой, честный, но... видно, не судьба.

Адмирал улыбнулся.

– Что поделаешь! Дети редко разделяют вкусы родителей и надо примириться с этим.

– Ах, забыл тебе сказать, что сегодня я получил письмо от m-me Морель и во вторник, значит, через четыре дня, она придет с Милой. Вообрази, она просит разрешить ей поселиться с приемной дочерью на две или три недели в доме на острове. Она надеется, что я, как человек «просвещенный», не придаю, конечно, значения глупой болтовне, которая обратила этот прелестный и своеобразный уголок в какую-то злополучную берлогу. Во всяком случае, она совершенно чужда подобных предрассудков и суеверия, а мое дозволение сочтет за особое внимание.

Адмирал пожал плечами.

– Пускай помещается там и на своей спине испытает когти господина дьявола, который непременно возобновит свои штуки. Il n'y a de pires sourds que ceux qui ne veulent entendre. (Самые глухие – те, кто не хочет слушать). Трудно убедить неверующего; личный опыт в таких случаях – лучший проповедник истины.

– Ты прав. Пусть поселяется в этом гнезде. Но что за магнит притягивает ее туда? Я начинаю думать, что несмотря на достойного г. Мореля и более двадцати протекших годов,

она все еще не может забыть своего прежнего жениха, таинственного Красинского, умершего столь загадочным образом.

– Господи, Боже мой! Опять будет обитаем этот проклятый дом. Но, к счастью, я уезжаю, – с отвращением произнес адмирал.

– Не раз уже ты говорил, что уезжаешь, но не сказал пока, где намерен водвориться. Выйдя в отставку, ты – свободен, и я надеялся, что ты поселишься близ нас, в Киеве, – заметил Замятин.

– Нет, друже, я рассчитываю ехать подальше и скажу тебе куда, если ты обещаешь не болтать. Я уеду в Индию, как только покончу с устройством своих дел, что, впрочем, почти уже готово. Еще прежде, посещая эту интересную страну, мне посчастливилось подружиться с одним старым брамином, и он обещал ввести меня в тайное общество индусских ученых. В надежде быть принятым, я много лет усердно изучал санскритский язык, английским же, как тебе известно, я владею в совершенстве. Таким образом, я буду в состоянии работать без помехи и посвящу остаток жизни изучению оккультной науки, полной удивительных тайн. Я уже не молод, конечно, но все же еще достаточно здоров телом и душой, чтобы воспринять первое *посвящение*. Познание оккультного мира всецело вдохновляет меня и, кто знает, может быть, я изучу его достаточно, чтобы изгнать поселившегося здесь демона.

Замятин слушал, видимо огорченный.

– От всего сердца желаю тебе осуществить твои намерения. Иван Андреевич, и можешь быть вполне уверен в моей скромности; но не скрою, что твой отъезд огорчает меня, – я надеялся на другое. А сколько времени ты будешь отсутствовать? – спросил он.

– Сам не знаю. Может быть, даже и вовсе не вернусь в Европу; все будет зависеть от моих руководителей, – ответил адмирал. Но, видя, что слова его огорчают друга, он прибавил: – Во всяком случае, Филипп, ты будешь иметь от меня вести; а как только я получу возможность очистить Горки, то приеду непременно.

Настало молчание, и оба задумались, а потом принялись за чтение полученных с утренней почтой писем. Окончив чтение, адмирал складывал последнее письмо и, взглянув на дорогу, увидел экипаж, мчавшийся по липовой аллее к дому. Замятин с приятелем спустились и вышли на подъезд, когда к нему подлетела коляска. Надя сияла. Сидевший против нее жених первый выскочил из экипажа.

Пока он помогал Замятиной и невесте выйти из коляски, адмирал вдумчиво рассматривал его.

Действительно, Масалитинов был необыкновенно хорош собой: высокий, стройный, с классической головой греческой камен и густыми, черными, выющимися волосами. Большие темные, бархатистые глаза с пушистыми ресницами не выдавали духовной стороны жизни его, а взгляд был холодный, надменный; жестокая, глумливая складка залегла вокруг красиво очерченного рта. Но когда пурпурные уста приоткрывались, обнажая ослепительные зубы, и чарующая улыбка озаряла прекрасное лицо, а страстный огонек загорался под полуопущенными веками, тогда становилось понятным очарование, которое он производил на женщин.

Надя не спускала глаз с жениха и даже не скрывала безграничной любви своей к нему.

С неменьшим интересом рассматривал Иван Андреевич представленного ему затем двоюродного брата Масалитинова, Жоржа Ведринского. Это был тоже красивый юноша, но в совершенно другом роде. Такой же высокий, но шире в плечах, он казался олицетворением цветущего здоровья и молодой силы, а мускулы должны были быть стальными. Русые волосы и борода обрамляли лицо, а ясные, голубовато-серые, как сталь, глаза дышали прямоот и добротой. Резкий контраст составляли пушистые черные брови, сросшиеся у переносья, что придавало лицу строгое и энергичное выражение.

Адмирал тотчас почувствовал симпатию к Георгию Львовичу, но зато напыщенность Масалитинова, деланная небрежность манер и презрительное самодовольство произвели на него неприятное впечатление.

Как только вошли в залу, Михаил Дмитриевич с приятелем испросили разрешение удалиться на четверть часа, чтобы стряхнуть дорожную пыль, и в сопровождении лакея отправились в отведенные им комнаты.

– Ну, крестный, как нравится тебе мой жених? Не правда ли, он красив, как античная статуя? – спросила раскрасневшаяся от счастья и гордости Надя.

– Да, бесспорно, он очень красив! Но я желаю, чтобы тебе не пришлось обожать все только одну холодную *статую*, – смеясь, ответил ей Иван Андреевич.

– Фу, какой злой, – надувшись, сказала Надя и, хлопнув его по руке, вышла.

Обед прошел весело. Говорили о прошедшем и будущем и выпили за здоровье жениха с невестой. Потом Филипп Николаевич рассказал, что через несколько дней приедет г-жа Морель с приемной дочерью Людмилой Тураевой и прибавил шутя, что Георгию Львовичу также представится случай влюбиться.

После обеда Надя повела молодых людей в парк, показала им попутно развалины, мавзолеей Маруси и вкратце передала ее загадочную трагическую историю. Михаил Дмитриевич смеялся от души и решил, что кто-нибудь умышленно подтасовал все эти «рассказни», чтобы обесценить этим имение и в конце концов, может быть, дешево купить его.

– Этот зеленеющий островок на просторной глади озера с его башенками, таинственно выглядывающими из зелени, просто восхитителен, и я хочу непременно побывать в этом очаровательном уголке. Надеюсь, Надя, у вас хватит мужества съездить туда со мной?

– Но, говорят, это приносит несчастье, – озабоченно и тревожно заметила девушка.

Жених расхохотался.

– Надя, Надя! Стыдитесь же верить в подобный вздор. Ваш милый адмирал рассказал вам просто небылицы, а вы принимаете их за святую истину. И это в наш просвещенный век!..

Надя ничего не ответила, а так как они подходили к дому, то Масалитинов заговорил о другом. Но вечером, за чаем, он снова выразил желание съездить непременно на остров, внушавший ему живейший интерес именно своей дурной славой.

– По-видимому, дом считается «непокойным», а я ничего не желаю так горячо, как увидеть хоть раз настоящего выходца с того света. Право, я буду очень благодарен такому господину, если он будет любезен мне явиться. Только боюсь, что надежда моя напрасна.

– Почему же? Может быть, ввиду вашего горячего желания, какой-нибудь дьяволенок и ошастливит вас посещением, – заметил адмирал.

– Увы! Я закоренелый скептик и предполагаю, что такое свидание не состоится уже просто потому, что не существует ни *чертей*, ни *привидений*, а сатану с призраками выдумали люди, чтобы нагнать страх на наивных. Я, например, присутствовал на многих спиритических сеансах и ни разу не видел ни одного явления, которое не оставляло бы по себе убеждение, что все это – просто грубое надувательство и мистификация.

– Ах, Михаил Дмитриевич, как можно во всем сомневаться! Что существуют демоны, злые духи и привидения, все это подтверждается Библией, Евангелием и жизнью святых! – раздраженно воскликнула Надя и, все более и более увлекаясь, продолжала: – Христос исцелял же *бесноватых*? А преподобный Сергей видел целое шествие демонов; святого Антония искушали злые силы, да и других отшельников также; отец Иоанн Кронштадтский на похоронах пьяницы видел злых духов и, наконец, аэндорская волшебница вызывала дух Самуила. Нельзя же огульно отрицать столько свидетельств святых и высоко чтимых людей, не говоря уже о Спасителе, деяния Которого выше всякого сомнения.

– Конечно, Надежда Филипповна, я не позволю себе обсуждать деяния Спасителя, только надо еще доказать, что все относительно Его передано нам согласно истине. Что же касается

всех прочих фактов, то это – такие басни, что верить им на слово нельзя. И вообще все эти «чудесные» явления никогда не были неопровержимо доказаны. Но я возвращаюсь к нашему посещению острова, невыразимо интересующему меня. Заметьте, милая Надя, вам трудно будет не бывать там, когда дамы, которых вы ожидаете, там поселятся.

– Да, г-жа Морель вроде вас, тоже ни во что не верит и пожелала жить в злополучном доме. Впрочем, ее влечет туда особое чувство, – почитание памяти ее прежнего жениха Красинского, умершего и погребенного на острове, – заметил Замятин.

– Ах, да!.. Бедный Красинский, который пожертвовал собою для спасения Вячеслава Ивановича Тураева, а его в благодарность объявили «колдуном», «вампиrom» или чем-то в этом роде, – расхохотался Масалитинов. Однако хотя этот *страшный* мертвец покоится на острове, – земля не разверзлась же и не поглотила его могилу, дача не рушилась, а за двадцать лет не показывался никакой дух, и ни там, ни здесь не предъявил своей визитной карточки. А если какой-нибудь жалкий «бесенок» и водворился было на даче и осквернил этот чудный уголок в ожидании какой-нибудь жертвы, то ему наскучило, конечно, долгое ожидание, и он давно удрал. В самом деле, господа, не разумнее ли объяснить все это более естественным образом. Например, вместо того, чтобы приписывать «чертовщине» смерть бедной Тураевой, не проще ли предположить, что она бросилась в воду и утонула под влиянием маразма, вызванного болезненным состоянием. Ведь случаются же подобные вещи? – И он снова захохотал.

Адмирал молчал. Презрительная улыбка блуждала на его губах, пока он слушал молодого фата, хваставшего своим неверием, словно высшей «мудростью», и считавшего за дураков тех, кому ведомо *кое-что*, неизвестное ему. И снова в душе Ивана Андреевича поднялось чувство смутного отвращения к красавцу офицеру. Ему, много видевшему и читавшему, противны были люди, которые с пошлым смехом да прибаутками старались придать себе лоск «просвещенности» и казаться выше всяких «предрассудков» и «суеверий».

– В общем, как говорится, вы не верите ни во что, – заметил через минуту адмирал. – А факты, которые начинает изучать наука, как видение на расстоянии, телепатия, явление посмертных призраков и вмешательство отошедших в мир живых, все это вы также отрицаете? – прибавил он.

– Несомненно, – с уверенностью ответил Масалитинов. – Об этом много говорят, а потому понятно, что ученые стараются проверить такие слухи, а... если эти факты действительно существуют, то придать им естественное и научное основание. Будущее покажет, что получится из этой попытки; но мне кажется вполне рациональным подождать пока наука произнесет свое суждение, прежде чем слепо верить явлениям, противным здравому смыслу.

– Какой вы, однако, решительный, мой юный друг. Вы одним махом зачеркиваете факты и наблюдения тысячи людей, – сказал адмирал на этот раз с настолько заметной иронией, что Масалитинов покраснел.

– Я ничего не отрицаю, ваше превосходительство, – раздраженным тоном ответил он, – а выражаю только собственное мнение, основанное также на личных наблюдениях. Так, например, я присутствовал, как уже упоминал, на спиритических и оккультных сеансах, где бесспорно плутовали; а то, что я читал о явлениях призраков, видении на расстоянии, колдовстве и т. д., – не твердо было в самом основании. Все это были только одни «говорят», или не проверенные вовсе факты, или контролировавшиеся людьми доверчивыми, если не сторонниками, и допускавшими на слово рассказчиками.

– Извините, Михаил Дмитриевич, вы заблуждаетесь, утверждая, что будто бы нет фактов, серьезно проверенных. Например, Эммануил Кант, – достойный ли это вашего доверия авторитет? Словом, допускаете ли вы, что он не полоумный и не лгун?

– Какой вопрос! Несомненно, Кант – серьезный ум, вполне достойный доверия.

– Так вот, этот самый Кант контролировал такое явление и подтвердил его достоверность следующими словами: «Этот факт обладает, кажется, наидоказательнейшей силой и должен бы

пресечь всякого рода сомнения». Случай этот произошел 19 июля 1759 года и духовидцем был старый философ Сведенборг. Он возвращался из путешествия в Англию, высадился в Гетеборге и обедал у своего друга, знаменитого Вильгельма Кастеля... Собралось многочисленное общество, и после обеда, часов в шесть вечера, Сведенборг распрощался. Но едва сделал он несколько шагов по улице, как вдруг остановился, а затем бледный и взволнованный вернулся к Кастелю и сообщил присутствующим, что в Стокгольме вспыхнул страшный пожар и огонь свирепствует на улице, где он жил. Немного спустя, он опять вышел на улицу и, со слезами на глазах, вернулся рассказать, что дом одного его приятеля сгорел дотла, а его собственный подвергается величайшей опасности. Около восьми часов вечера он в третий раз вышел на улицу и вернулся сияющий. – «Слава Богу! – воскликнул он. – Пожар кончился, огонь остановился за три дома от моего». Слух об этом странном видении старого философа, – а Сведенборгу было тогда семьдесят два года – разнесся по всему Гетеборгу; извещен был даже губернатор и все, имевшие в столице родных или друзей, очень встревожились. Лишь через *два дня* королевский курьер привез известие о пожаре и сообщил подробности, вполне подтверждавшие видение Сведенборга. Проверив этот факт, Кант, при всей своей «критике практического разума», только и мог сказать: «Что можно возразить против достоверности этого случая?» Так вот вам прекрасно установленный факт видения на расстоянии, ибо Гетеборг отстоит от Стокгольма на расстоянии более 400 километров. Теперь перехожу к случаю явления умиравшего, причем должен добавить что выбираю его на удачу из тысячи ему подобных. Агриппа д'Обиньи, известный друг французского короля Генриха IV, передает случай, бывший в минуту смерти кардинала лотарингского. Произошло это в 1574 году и король находился тогда в Авиньоне вместе с королевой-матерью и кардиналом. Екатерина Медичи легла, по нездоровью, ранее обыкновенного. Между высокопоставленными лицами, присутствовавшими, когда она ложилась, были: король Генрих Наваррский, архиепископ лионский, дамы Ретц, де Линьероль и де Сонней. Королева прощалась уже с присутствовавшими, как вдруг откинулась на подушки и закрыла глаза рукой, а потом с криком стала звать на помощь, указывая на кардинала Лотарингского, стоявшего на коленях на ступеньках постели и протягивавшего ей руку. – «Ступайте, ступайте, кардинал, вы не нужны мне! – кричала побледневшая Екатерина. Так как было известно, что кардинал болен, то все были удивлены его появлением и еще более быстрым его исчезновением. Тогда король Наваррский послал одного из своих придворных узнать о кардинале и посланный передал, что кардинал скончался в ту минуту, когда его видели у постели королевы-матери.

В заключение расскажу вам случай, когда дух умершего не только не дал доказательство своего загробного существования, но выразил участие к близким. Бывает довольно часто, что дух проявляет деятельное участие в судьбе и делах своих родных и друзей. В 1761 году г-жа де Мортевилль, – вдова голландского посланника в Стокгольме, – получила от одного из кредиторов мужа требование об уплате двадцати пяти тысяч голландских флоринов. Она хорошо знала, что сумма эта была погашена ее мужем и выплатить ее вторично значило почти разориться, а квитанции она не могла найти. В отчаянии пошла она к Сведенборгу за помощью и советом, и тот обещал подумать. Через неделю муж явился ей и указал место, где находилась квитанция, а также вещица с рубинами и бриллиантами, которую она долго и тщетно искала. Г-жа де Мортевилль очнулась и взглянула на стенные часы: было два часа полуночи. Горя нетерпением проверить сон, она тотчас встала, побежала к указанному месту и нашла там квитанцию и потерянную вещь. Она легла, успокоенная, и проспала до утра. Едва встала она утром, как пришел Сведенборг, который рассказал ей, что ночью ему явился г-н де Мортевилль и сказал, что отправляется тотчас к жене, чтобы дать ей нужные сведения. – Вот факты. Что можете вы сказать против них? – спросил с улыбкой адмирал.

– Очень много, Иван Андреевич. Извините, но ваши факты так же мало убедительны, как и все другие в таком роде. Хотя бы, например, видение Екатерины Медичи! Совесть этой

«доброй» королевы легко могла вызвать галлюцинацию, тем более, что она знала про болезнь кардинала; да и кроме того, за ней немало было грехов против Лотарингского дома. Крик ее и имя кардинала вызвали уже *коллективную* галлюцинацию, а милейший Агриппа, не имевший понятия о таких явлениях, отметил его как факт. Наименьшего доверия заслуживает случай видения на расстоянии пожара в Стокгольме; но видение это было у старого мечтателя и сумасброда, Сведенборга, а кто может разгадать, что происходит в мозгу сумасшедшего! Что касается свидетельства Канта, это тоже подлежит сомнению, ввиду того, что он все-таки судил лишь по рассказам, а не был лично свидетелем странного явления. О третьем случае я...

– Нет, нет, я избавляю вас от возражений. Я уверен, что вы побьете меня и докажете ясно, как день, что я – тоже старый доверчивый болван, не лучше любого деревенского пастуха, – воскликнул адмирал добродушно, но насмешливо. – Только, простите, вы меня так же мало убедили, как и я вас!

– А я хотел бы убедить вас и вразумить, – возразил начинавший увлекаться Михаил Дмитриевич.

В пылу спора Масалитинов случайно взглянул на своего кузена, внимательно слушавшего, но не открывавшего рта.

– Жорж, да помоги же мне! Что ты сидишь, как крот. Прежде ты был таким ярым противником всего «сверхъестественного», яростно старался разоблачать все эти предрассудки, спиритические проделки и т. д., а теперь оставляешь меня одного сражаться с таким грозным противником, как Иван Андреевич. Право, я не узнаю тебя!

Георгий Львович выпрямился и с улыбкой сказал:

– Ты прав, Миша, я был неверующим, но теперь – я не таков. Прошлым летом и у меня было *необыкновенное* приключение, а в нем обнаружились все явления, в которых я так долго сомневался. Я видел призраки и храню наглядное доказательство, что я не спал.

Михаил Дмитриевич вскочил, как ужаленный.

– Как?! С тобой было такое приключение, и ты мне ничего не рассказал? Или ты боялся моей критики? – крикнул он с таким забавным негодованием, что все рассмеялись.

Когда настало успокоение, Георгий Львович добродушно проговорил:

– Правда, я ничего не говорил тебе, но вовсе не из боязни твоей критики, – ибо явления, в которых я был и свидетелем и действующим лицом, критики не боятся; а молчал я потому, что ты не интересуешься этими вопросами. Кроме того, мы не виделись этой зимой, а в несколько дней, проведенных вместе в Киеве, перед отъездом сюда, у нас было и без этого о чем поболтать.

– Ну, а теперь, будучи окружены симпатизирующей вам аудиторией, вы расскажете, может быть, интересный эпизод, если это не секрет. Может быть, это не скромно, с моей стороны? – конфузясь, воскликнула любопытная Надя.

– Да нет, Надежда Филипповна, в моем приключении нет никакой тайны. Причина, вызвавшая странное явление, не особенно похвальна для меня; но это не важно, и я охотно расскажу вам случай, излечивший меня от моего незрелого неверия.

Георгий Львович задумался на минуту, и лицо его сделалось серьезным и грустным.

VI

– Для начала рассказа я должен упомянуть про грустное событие – смерть моей невесты, Елены Прозоровой. Она была прелестная, добрая и прекрасная девушка. Я чрезвычайно любил ее и, хотя прошло более двух лет с ее смерти, все еще глубоко чувствую горечь этой утраты. Она скончалась внезапно, недели за две до нашей свадьбы, и я сам заболел с горя. По выздоровлении, сестра моя, которая замужем за секретарем нашего посольства в Мадриде, пригласила меня пожить несколько месяцев у нее в Испании, в надежде, что новая обстановка и поездки по такой интересной стране рассеят мою грусть. Я не мог тогда же воспользоваться ее приглашением, но мысль о путешествии понравилась мне и в конце прошлого года я поехал в Мадрид. Мне чувствовалось хорошо в новом мире; я подружился с многими испанцами, особенно одним, дон Диего д’Альварес, и мы уговорились совершить путешествие по Испании. Он хотел показать мне свое отечество и удивить художественными и археологическими богатствами его. После интересного странствования по северной Испании, мы прибыли в Гренаду с намерением весело провести там несколько недель, так как дон Диего, будучи уроженцем этого города, имел там родных и множество дел. Гренада чрезвычайно понравилась мне. Чарующая красота видов, остатки дивной мавританской культуры, – словом, все занимало меня и приводило в восторг. Часами мог я блуждать по залам Альгамбры и по садам Генералифа, мечтая о том, как хорошо бы вновь оживить пустынный дворец и обставить его залы. Самым странным в моих мечтах было то, что все там казалось мне удивительно знакомым и почему-то особенно дорогим.

Дон Диего познакомили меня со многими своими друзьями и двоюродными братьями, ввел в несколько семейных домов, а так как я довольно быстро изучил испанский язык, настолько, что мог объясняться без особенного затруднения, то отношения эти были самые приятные. Дон Диего получил в наследство от старой тетки поместье вблизи города и предложил мне посетить с ним его виллу. «Неподалеку оттуда лежат развалины мавританского дворца, а так как вы влюблены в наши древности, то осмотр их доставит вам удовольствие.» – уговаривал он меня, смеясь. Мы отправились верхом и почти у самой виллы мой друг показал мне развалины стены, с торчавшей над ними старой башней, упомянув при этом, что весь этот старый хлам давно убрали бы, вероятно, если бы суеверный страх не охранял остатки старины. «Местные жители предполагают, что будто развалины прокляты, а с тех пор, как один крестьянин, пожелавший снести башню, был убит молнией, никто не хочет приобретать это заколдованное место». Мы много смеялись над таким «глупым невежеством», а затем разошлись; он занялся с управляющим, а я пошел осматривать развалины.

Развалины заросли кустарником и оказались обширнее в действительности, чем представлялись издали. Однако, несмотря на запутанность обстановки, я довольно быстро осмотрелся. Я нашел крытую галерею с тонкими колонками и поросший кустарником с травой обширный водоем, в котором, наверно, бил некогда кристальный фонтан. То был вероятно сад или внутренний двор дворца. Дальше остатки широкой мраморной лестницы вели к сводчатой двери, и за ней открывалась громадная зала, которой небо заменяло теперь потолок; затем шли две комнаты, поменьше, со сводами и остатками скульптуры по стенам, столь же тонкой и художественной работы, как и в Альгамбре. Уцелевшие местами следы голубой или зеленой краски с позолотой указывали на бывшее великолепие. В глубине второй комнаты была тоже сводчатая и украшенная резьбой дверь, но обвалившаяся за ней стена лишала ее возможности дальнейшего исследования. Зато массивные стены башни могли простоять еще несколько веков; только лестница, которая вела в верхние этажи, обвалилась, и я мог осмотреть одну лишь круглую залу первого этажа; но голые, обсыпавшиеся стены не сохранили никаких следов, указывавших ее назначение. Я так поглощен был своими исследованиями, что забыл дон

Диего и весь мир. Странно, что по мере того, как я обследовал развалины, они казались мне все более знакомыми; словом, я чувствовал себя здесь, «как дома». Например, я предвидел заранее, что за маленькой сводчатой дверью должна быть галерея, усталая голубыми и белыми плитами, и у меня появилось такое страстное желание проверить это впечатление, что я едва не сломал шею, пытаюсь карабкаться по обломкам, но так и не мог все-таки достигнуть цели. Дон Диего нашел меня в восторженном настроении, а платье мое было грязно и даже порвано. Он долго смеялся потом над моей археологической страстью. Ночью, после посещения развалин, мне снился странный сон.

Я был опять в мавританском дворце, но он не был кучей мусора, как наяву; нет, он стоял во всем своем прежнем великолепии. Вокруг бассейна раскинуты были цветники; вдоль сводчатой галереи стояли низкие диваны, покрытые парчою, и манили к отдохновению; описать же роскошь большой залы и соседних комнат я отказываюсь; это был сказочный дворец из «Тысячи и одной ночи». Сон этот произвел на меня глубокое впечатление, а когда я рассказал его дон Диего, он подтрунил надо мною и сказал, что должно быть «дух развалин» околдовал меня.

Чтобы отвлечь от археологического бреда, он повез меня к знакомой даме, у которой мы часто бывали. Донна Розарита де Ройяс-и-Монтеро была прехорошенькая вдовушка лет тридцати, но с несколько сомнительной репутацией. Она была, по-видимому, богата, принимала много, но общество у нее было смешанное и состояло почти исключительно из мужской молодежи. У нее также много играли и преимущественно в азартные игры. Теперь-то я понимаю, что у нее был один из тайных игорных притонов, какие имеются во всех больших городах. Дон Диего был завзятый игрок; но, признаюсь, и для меня партия в карты составляла приятное развлечение, только я избегал крупной игры ввиду ограниченности моих средств. Однако понемногу я забыл осторожность и увлекся, а так как мне удавалось много выигрывать, то я становился все смелее и пагубная страсть овладевала мною все более и более. У донны Розариты я часто встречал молодого человека, внушавшего мне непреодолимую антипатию; а между тем он был почти постоянным моим партнером. Дон Евзебио Гомец был довольно красивый юноша; но в его впалых глазах таилось что-то подозрительное и лукавое, отталкивавшее меня от него. После временной удачи в картах счастье изменило мне, и я стал проигрывать. Следовало бы, конечно, остановиться; но пагубная надежда всякого игрока «отыграться» завлекла меня. Однажды вечером я вернулся домой особенно нервным и лихорадочно взволнованным, — у меня появилось подозрение, что дон Эвзебио плурует в игре, но поймать его я не мог. Я лег сильно расстроенный и приснился мне сон, еще более странный, чем первый, виденный мною.

Как и в первый раз, я очутился в мавританском дворце. Полная луна заливала светом огромное великолепное здание, которое крытой галереей со сводами, украшенными словно кружевной резьбой, примыкало к большой, уцелевшей еще башне. Сам я находился в саду, но был в мавританском одеянии. Как сейчас, вижу я на себе парчовый кафтан вишневого цвета с золотыми разводами и рубиновыми пуговицами, широкий белый шелковый пояс, за который заткнут кинжал с резной ручкой, и висевшую сбоку кривую саблю. Рука моя покоилась на рукоятке оружия, и я слышал, как ножны волочились со скрипом по песку аллеи. Но самым странным было ясно сознаваемое чувство двойственности. Я был одновременно и Ведринским и еще кем-то, чье имя ускользало от меня, но я знал, что это я же. Я медленно прохаживался, вдыхая удушливый запах цветущих апельсиновых деревьев и роз. Выйдя из тенистой аллеи, я очутился около бассейна, как вдруг до слуха моего донесся чей-то глухой крик. Я обежал водоем, струи которого скрывали от меня дворец, и увидел человека, бегом спускавшегося по ступеням боковой лестницы. Он нес на руках отбивавшуюся женщину, голова которой была окутана покрывалом. Лица ее не было видно, кричать она не могла более, так как несший ее человек закрывал ей рот рукою, а между тем я чувствовал, что похищаемая — моя, ныне покойная невеста, *Елена*. Что она умерла, — про это я совершенно забыл в ту минуту. Я мигом бросился

на похитителя, и между нами завязалась борьба. Такой ярости, такого ожесточения я никогда не испытывал в действительности. Проклятия сыпались вместе с ударами. От всех этих речей у меня сохранилось одно воспоминание, что похититель назывался Абдалла, а меня он звал Гассаном. Женщина воспользовалась нашей борьбой и убежала, причем вуаль с нее спала, и я увидел Елену, или похожую на нее; возможно, что ее наружность изменил бывший на ней мавританский костюм. Впрочем, я не имел времени рассмотреть, потому что Абдалла ожесточенно напал на меня; но я оказался, вероятно, искуснее его. Отскочив назад, я обнажил саблю и нанес ему страшный удар. Голова моего противника, срезанная как спелая дыня, слетела на землю, подскочила и застряла на ступени лестницы. Луна осветила перекошенное судорогой лицо с широко открытыми глазами, смотревшими на меня ужасающим взглядом. И это искаженное лицо было лицом... донна Эвзебио!..

Я проснулся, обливаясь холодным потом; но, как и подобает «интеллигентному» человеку и скептику, я не придавал никакого значения своему сну, уверив себя, что «вероятно» вчерашний проигрыш, в связи с подозрением против донна Эвзебио, и вызвали этот странный кошмар. Вечером, не вникая доводам рассудка, я отправился к донне Розарите. Игорный стол, как магнит, притягивал меня, но я утешал и извинял себя тем, что было необходимо разоблачить донна Эвзебио. По обыкновению он был моим партнером, и я проиграл порядочно; но в этот раз я зорко наблюдал за ним и поймал его руку, когда он сплутовал. Произошел скандал. Несмотря на очевидность плутни, он отрицал вину; а в публике одни дер жали его сторону, другие мою, и история кончилась вызовом на дуэль со стороны донна Эвзебио, объявившего, что только кровь может смыть нанесенное его чести оскорбление.

Дуэль произошла на другой день в развалинах мавританского дворца, как наиболее пустынном и отдаленном месте. По выбору донна Эвзебио мы дрались на шпагах.

Я не особенно владел этим оружием, но в тот день, – не знаю откуда, – у меня явилась замечательная ловкость, а когда Эвзебио, с бешенством нападавший, ранил меня в грудь, я неожиданно ощутил то самое бешенство, которое испытал во сне. Я проворно выбил шпагу из рук противника, и проткнул ему насквозь горло. Я видел, как его лицо омерзительно исказилось и... лицо это, перекошенное судорогой, с широко раскрытыми глазами, показалось мне лицом Абдаллы. Более я уже ничего не видел, потому что лишился затем сознания и провалялся в постели более трех недель; рана в грудь задела легкое и жизнь моя была в опасности. Но я был юн и силен, а потому оправился скорее, чем можно было думать. Расстроились только нервы: меня преследовала смутная тревога и гнетущая тоска по игорном столе.

Дон Диего и прочие приятели усердно навещали меня и рассказывали, что открылись всякого рода пакости покойного Эвзебио, и все счастливы избавиться от него, а меня ждут с нетерпением у донны Розариты. Оправившись, я решил однажды вечером съездить к г-же де Ройяс-и-Монтеро, которая еще утром прислала мне очень любезную записку.

Я кончал одеваться, как вдруг увидел стоявшего у двери... донна Эвзебио. Он держал в руке окровавленную карту, а лицо его выражало чисто дьявольскую злобу. Я протер глаза в уверенности, что это – галлюцинация. Но нет, – фигура все стояла на прежнем месте; капли крови сочились из раны в горле, а карта, которую он продолжал показывать мне, была туз пик, та самая, что я выхватил у него, когда раскрыл его шулерство. Охваченный неприятным чувством, я зажмурился, а когда взглянул снова, то видение уже исчезло. Я принял успокоительных капель и решил серьезно лечить нервы. Очевидно, слабость после болезни давала еще себя чувствовать. Мне даже не приходило в голову, что возможно действительное появление призрака... Однако, поднимаясь на лестницу квартиры донны Розариты, я вдруг снова увидел в темном углу рожу Эвзебио; он, казалось, издевался надо мной и, оскалив зубы, показывал окровавленную карту. В негодовании я отвернулся; эти «галлюцинации» становились положительно невыносимыми.

Возбужденный, как никогда отроду не бывал, сел я за карточный стол. Но о двух последовавших часах у меня сохранилось лишь смутное воспоминание. Достаточно сказать, что я играл, как безумный, словно кто-то толкал меня рисковать и зарываться все более и более. Велась адская игра, и я невероятно проигрывал. Голова моя горела, а я с непонятным упорством продолжал рисковать. Наконец, когда я поставил на карту все, вдруг увидел я против меня искаженное лицо Эвзебио, протягивавшего мне туза пик. Мгновенье... и я узнал, что проиграл.

Со мной случился точно удар, потому что я потерял сознание, а когда открыл глаза, меня чем-то поили и прыскали водою в лицо. Многочисленная публика столпилась у нашего стола, и я заметил удивленно сочувственные взгляды. Кредитор мой был сын богатого негоцианта и оказался очень деликатным человеком. Он подошел ко мне и пожал мою руку, сказав, что, очевидно, я еще болен, а он предоставляет мне полную свободу для уплаты моего долга, понимая, что иностранцу требуется время для получения денег с родины. Я поблагодарил его и немедленно вернулся домой.

Все мое возбуждение исчезло, как по волшебству, и еще по пути к дому я обсудил свое положение. Оно было вполне безнадежно. Я никогда не мог заплатить проигранную сумму, даже пожертвовав всем своим очень небольшим состоянием. Вместе с сознанием этого ужасного положения, мною вдруг овладело мрачное отчаяние и невыразимое отвращение к жизни. Пережить унижение, признав себя несостоятельным, пережить стыд перед сестрой и другими родными друзьями?... Нет, никогда! Я решил умереть, и умереть немедленно, до восхода солнца.

Я взглянул на часы: был час пополудни. Лихорадочно и торопливо сделал я последние приготовления и написал два письма: одно своему кредитору, прося принять в уплату долга мою жизнь, а второе адресовал сестре. Ей я признался во всем откровенно, умолял простить меня, продать все мое имущество и по возможности покрыть позорный долг, сделанный мною в минуту истинного безумия. После этого я взял револьвер; но мне вдруг стало противно умирать в этой комнате, где, казалось, не хватало воздуха, и кроме того, своим самоубийством я причинил бы массу хлопот и неприятностей бедной вдове, хозяйке квартиры. Мне захотелось в последний раз полной грудью подышать свежим воздухом и увидеть звездное небо. Я решил отправиться в развалины мавританского дворца, пленившего меня своим великолепием во сне, где я убил Эвзебио, которого видение, таинственной игрой воображения, показало мне под видом мавра Абдаллы. Должно быть, мрачный рок предписывал мне умереть там, где погиб мой противник. Я вышел из комнаты, как тень прокрался в конюшню, оседлал свою лошадь и через десять минут скакал по улицам Гренады, направляясь к развалинам.

Была чудная, благоуханная, теплая ночь и полная луна заливала все ярким, но мягким светом. Медленно шел я по развалинам; а в воображении дивное здание рисовалось мне в восстановленном виде, каким я видел его во сне. Я вошел в залу, лучше других сохранившуюся, сел на кучу обломков и, прислонившись к стене, глубоко задумался; револьвер лежал наготове подле меня. Окутывавший все бледный сумрак и полная тишина вокруг успокоили отчасти мою истомленную душу, а в памяти стало оживать прошлое.

Вставало воспоминание о матери, женщине набожной и верующей; ожил образ покойной невесты, тоже глубоко веровавшей и умершей с молитвою на устах. А по мере того, как передо мной являлись любимые лица, жгучее чувство охватило мое сердце и в первый, может быть, раз душу мою, погрязшую в неверии и отрицании Бога, осенил вопрос: что станет с тем *нечто*, которое во мне мыслит, страдает и любит? Обратится ли оно в ничто и бесследно исчезнет, подобно пене морской, венчающей гребни гонимых бурей волн, или переживет смерть и, сознательное, предстанет перед Верховным Судией?... Через несколько минут загадка разрешится... В последний раз подумал я о матери, сестре и усопшей невесте, а затем инстинктивно перекрестился и взялся за оружие.

В эту минуту широкая полоса света блеснула из бывшей против меня двери, и струя свежего, ароматного воздуха пахнула мне в лицо; голова моя закружилась так сильно, что я покачнулся и зажмурился. Когда я вновь открыл глаза, голубоватый свет по-прежнему заливал разрушенную голую залу, но теперь в двух шагах от меня стояла Елена, а из-за ее плеча глядел полным смертельной ненависти взглядом дон Евзебио, или, вернее, Абдалла, так как оба они были в мавританских нарядах. Как очарованный, смотрел я на Елену, столь похожую и вместе с тем не ту, какую я любил.

Вместо серых, как прежде, в эту минуту у нее были темные глаза; прежние золотисто-каштановые волосы спускались теперь двумя черными косами; матовая белизна лица подернулась легким бронзовым отливом. Из бывшего осталась кроткая, чарующая улыбка и любящий взгляд. Роскошный восточный наряд дивно шел ей, а украшавшие драгоценности сверкали тысячью огней при каждом ее движении. Как истукан, смотрел я на эти существа, явившиеся из какого-то неведомого прошлого, а их присутствие здесь представляло неразрешимую загадку.

В эту минуту Абдалла, или Эвзебио, сделал попытку двинуться ко мне, и в руке его сверкнуло что-то, чего я не мог рассмотреть, – а я, влекомый словно чужой волей, схватил револьвер. Но между мной и моим противником с быстротой молнии встала Елена; в поднятой руке ее блестел ослепительно сиявший крест, который она протянула к Эвзебио. Тот зашатался, точно от удара в грудь, а потом его образ стал бледнеть, расплываться в черноватое облако и наконец исчез в тумане. Тогда Елена повернулась ко мне и повелительным жестом указала следовать за нею.

Я шел, словно во сне. Непонятно, что хотя я бодрствовал, или мне казалось только, что не спал, – но я видел снова дворец в его прежнем великолепии. Мы прошли целый ряд галерей и покоев, одни прелестнее других. Наконец, в одной из комнат, с скульптурными – голубое с золотым – украшениями по стенам, моя проводница остановилась и привела в движение пружину; кусок стеной резьбы сдвинулся, обнаружив узкую дверку в новый коридор, показавшийся мне в первую минуту тупиком.

Но моя руководительница нажала новую пружину, и часть стены, которой заканчивался узкий проход, повернулась на невидимых петлях, открыв ступени лестницы.

Мы спустились в подземелье, представлявшее крайне путанный лабиринт, и остановились наконец у массивной, окованной чеканным железом двери. Спутница моя отворила ее, и мы вошли в довольно большой подвал, где в беспорядке лежали сваленные разные разности. Тут были драгоценное оружие, золотая и серебряная посуда, целые куски затканых золотом и серебром материй, а среди этого хаоса стояло с десятков сундуков. Но все это было набросано как попало, точно впопыхах перед бегством.

Елена подошла к одному из сундуков, на крышке которого стояла большая шкатулка, и сделала мне знак взять шкатулку. Я не сразу повиновался, потому что изумленно, как очарованный, оглядывал собранные сокровища, особенно две открытые корзины, наполненные неоправленными камнями. Но тут на лице Елены мелькнуло тревожное, нетерпеливое выражение, и она опять указала мне на ларец. Я поднял его, но он был так тяжел, что я с трудом его тащил; а между тем проводница моя видимо спешила, и мы почти бежали чрез залы и галереи.

Наконец она остановилась, а я бессильно опустился на каменные плиты. Вдруг она нагнулась ко мне, и я почувствовал на лбу прикосновение теплых уст. Затем послышался слабый, словно издали донесшийся голос:

– Я Айша. Не предавайся никогда более постыдному пороку игры. В первый и последний раз дозволено мне спасти тебя...

Снова голова моя сильно закружилась, и я потерял сознание...

Когда я открыл глаза, рассвет сквозил из-за плюща, густо заткавшего окно. Я с неподдельным ужасом вскочил на ноги и схватился руками за голову. Как можно было спать в такую

ночь, здесь, в этих развалинах, когда мне следовало давно быть мертвым, чтобы избавиться от тяготевшего надо мною позора?! В ту минуту я не помнил своего видения, но не забыл тех чувствительных мечтаний, которые предшествовали сну и, может быть, его вызвали. Обозленный на самого себя, искал я свой револьвер; но, не найдя его сразу, зажег спичку – и вскрикнул.

В углу, около брошенного там оружия стояла теперь какая-то шкатулка, но вид ее воскресил в памяти мое необыкновенное ночное приключение. Дрожавшими руками приподнял я ларец, поставил на обломки и стал рассматривать это дивное произведение древнего восточного искусства. На одном из украшений крышки висел на цепочке небольшой золотой ключ, которым я открыл ларец, и увидел, что он полон крупных тяжелых золотых монет, каких уже не чеканят ныне. Я был спасен...

Забрав этот чудесный дар, вернувший мне жизнь, я вышел из развалин и направился к своей лошади. Я спускался уже по старой лестнице, на одной из ступеней которой видел во сне голову Абдаллы, и в это время на горизонте блеснул первый луч восходившего солнца; этот луч мне показался послем милосердного Бога, Который по неизреченной Своей милости спас меня и избавил от мучений самоубийцы. Я опустился на колени и из души моей вознеслась горячая молитва к Отцу небесному. С этого мгновения я снова стал верующим и дал зарок никогда в жизни не дотрагиваться до карт. Одно воспоминание о страшном вечере, когда я был словно одержим бесом, приводило меня в трепет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.